

Г.И.СМИРНОВА

СКИФСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА НЕМИРОВСКОМ ГОРОДИЩЕ: ОБЩИЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКЕ

Хотя уже сделаны первые шаги по публикации скифских материалов Немировского городища, широко известного, главным образом, как памятник раннеславянского времени в лесостепной зоне Южного Побужья (1, с.183-197; 2, с.67-84; 3, с.85-93), обработка полевой документации и коллекций еще далека от завершения. Со времени первых полевых работ на городище (1909 г., С.С.Гамченко) прошло 85 лет, а со времени последних (1948 г., М.И.Артамонов) — 48. В промежутке между этими датами на нем проводились значительные раскопки А.А.Спицыным в 1910 г., затем в 1941 г. А.П.Смирнов в небольшом объеме произвел зачистку валов, а в 1946-1947 гг., как и в 1948 г., на городище работала Юго-Подольская экспедиция под руководством М.И.Артамонова. Обратим также внимание на целенаправленное изучение А.А.Моруженко в 1966 г. устройства немировских оборонительных сооружений, что нашло соответствующее отражение в опубликованных ею работах (4, с.201; 5, с.66). Материалы из раскопок С.С.Гамченко, А.А.Спицына и М.И.Артамонова, за исключением собранных в 1946 г. и хранящихся в фондах Института археологии НАН Украины в Киеве, находятся в Отделе археологии Эрмитажа. Источники изучения коллекций Немировского городища следующие. Кроме предварительных и весьма кратких сообщений о работах на городище в 1909-1910 гг. (6, с.178-183) и в 1946-1948 гг. (7, с.236; 8, с.257-261; 9, с.74-76; 10, с.134; 11, с.177), имеется также статья А.А.Спицына, дающая некоторое представление о проведенных им исследованиях на этом городище (12, с.155-168). Приходится сожалеть, что его статья не иллюстрирована.

Полевая документация дореволюционных раскопок представлена архивными материалами в виде раздела в подробном научно-полевом отчете С.С.Гамченко "Археологические исследования в 1909 г. в Подолье по трипольской культуре" с прилагаемыми к нему шестью папками иллюстраций (13, с.1-457), а также в виде малоформатной "тетради" с полевыми заметками и схемами планов и разрезов отдельных траншей, жилищ и ям разного времени, сделанными рукой А.А.Спицына (14). Сводный план или схема заложенных в 1910 г. "кессонов" у А.А.Спицына, к сожалению, отсутствует, так же как не даны в графическом исполнении привязки к местам раскопок С.С.Гамченко, что, кстати, крайне затрудняло работы последних исследователей Немировского городища М.И.Артамонова и О.А.Артамоновой по увязке их раскопок со старыми.

Полевой архив Юго-Подольской экспедиции состоит из полевого отчета М.И.Артамонова о результатах раскопок этой экспедиции в 1946 г., обнаруженного вместе с дневником сотрудника ИИМК А.С.Бобровой в научном архиве Института археологии НАН Украины (15), и полевой документации 1947-1948 гг. --

многочисленные дневники и полевые чертежи, переданные М.И. Артамоновым в начале 70-х годов в Отдел археологии Эрмитажа. При нашем знакомстве с полевым отчетом 1946 г. в Киеве было установлено, что он соответствует находящейся у нас рукописи М.И. Артамонова, один из разделов которой публикуется в настоящем сборнике (16). В виду того, что все имеющиеся данные по дореволюционным раскопкам на городище детально рассмотрены в этой статье, мы в какой-то мере избавлены от повторного их изучения. Правда в свете результатов анализа новых фактических материалов о городище, полученных во время раскопок 1947-1948 гг., оставляем за собой право на необходимые комментарии по поводу некоторых замечаний и выводов М.И. Артамонова.

Немировское городище по современному административному делению находится в Винницкой области Украины, в 4-х км от районного центра Немирово, возле с. Сажки. У местного населения оно носит название "Большие Валы". М.И. Артамонов подробнейшим образом описывает общий вид этого грандиозного оборонительного сооружения в увязке с топографией местности (16, рис.1). Общее, но более краткое представление о внешнем виде этого памятника дано А.А. Моруженко, работавшей на городище в 1966 г. (5, с.66). Поэтому, во избежание повторов, позволим себе коснуться лишь существующих несоответствий в данных о размерах площади городища и периметра внешней ограды. Так, М.И. Артамоновым приводятся разные цифры общей длины внешних валов — они варьируют от 4,5 до 5,5 км (9, с.74; 16, с.56). По Моруженко, валы тянутся на 4,5 км (5, с.67). Имеются также расхождения в определении площади городища — свыше 100 га по Артамонову (17, с.95) и 110 га по Моруженко (5, с.67).

Что касается внутреннего укрепления, называемого "Замчиско", то и его размеры подсчитываются исследователями по-разному, М.И. Артамонов указывает только длину (С-Ю) — 300 м и ширину (В-З) — 200-230 м. не делая расчета его общей площади (16, с.57). По Моруженко, площадь детинца равняется 12,5 га (5, с.67). Если брать наибольшую ширину "Замчиска" по линии восток-запад, по Артамонову, то максимальная площадь детинца равняется приблизительно 6,9 га (230 x 300 м). Как видим, расхождения довольно велики. Объяснения такому большому разрыву в подсчетах общей площади "Замчиска" найти нелегко. Правда, если исходить из масштаба на плане городища из архива Юго-Подольской экспедиции, то данные М.И. Артамонова о длине и ширине внутреннего укрепления почти совпадают с планом.

Из этого несоответствия возникает другая сложность — определение процентного соотношения раскопанной за все годы и оставшейся неисследованной площади детинца. Следует при этом отметить, что размер раскопанных участков, особенно в первые два года, точно подсчитать не удастся.

В публикуемой статье М.И. Артамонова (16) рассмотрены и обобщены все имеющиеся в архивах С.С. Гамченко и А.А. Спицына сведения о местонахождении заложенных ими раскопов на детинце и в ряде случаев приведены размеры этих траншей (кессонов) или раскопов. Так, научные исследования на "Замчиско" в 1909-1910 гг. велись на разных участках его территории, но начинались в каждом году с единственного на нем курганообразного возвышения, оказавшегося зольником. Этот холм находится у северного края детинца, возле входа в него, и примы-

кает непосредственно к северному валу (рис. 1). Его приблизительный диаметр 10 сажений (т.е. 21,3 м), высота 5 аршин 8 вершков (т.е. более 3,5 м) (14, лист 132). Холм, как отмечает А.А.Спицын, был сильно испорчен местными кладоискателями (12, с.158).

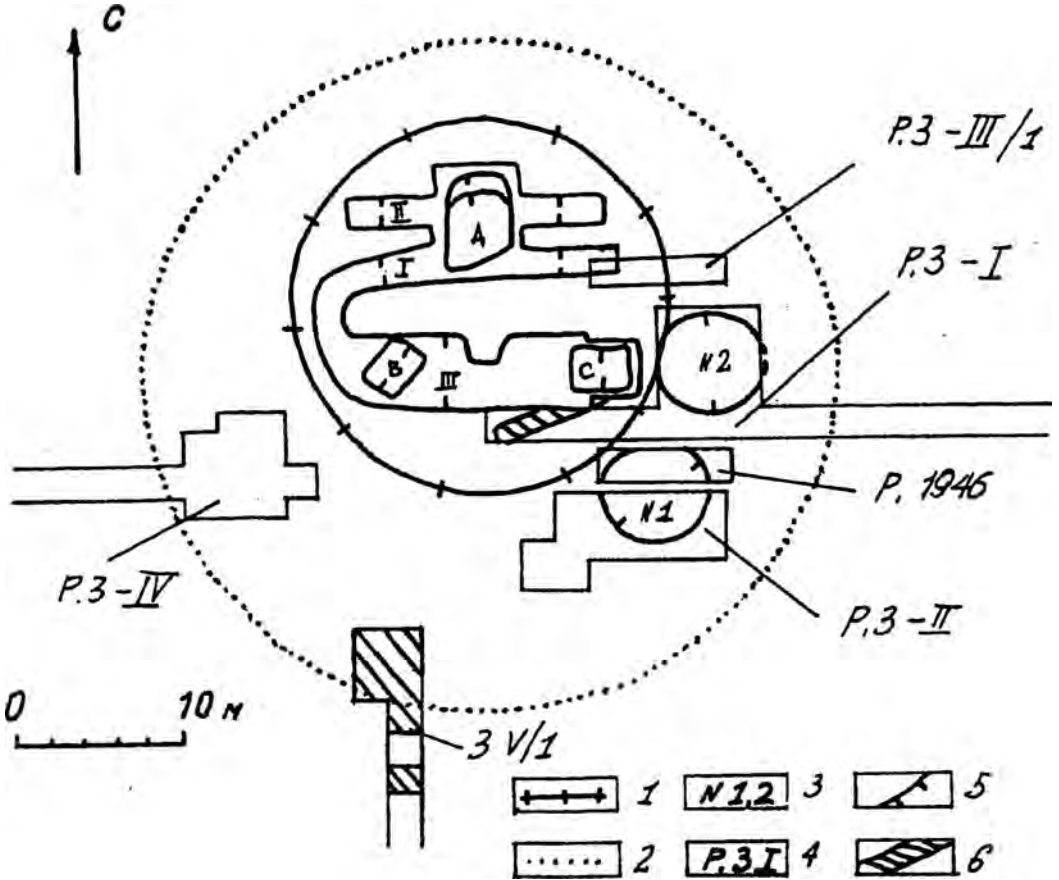

Рис. 1. Сводная схема раскопов на зольнике (по А.А.Спицыну и М.И.Артамону).
 1,5 - границы зольника (по Спицыну); 2 - границы зольника (по Артамону);
 3 - номера землянок; 4 - обозначения раскопов 1947-1948 гг.;
 6 - старые траншеи (1909-1910 гг.).

Прибывший в 1909 г. на городище С.С.Гамченко произвел зачистку стен грабительских ям на этом возвышении, не оставив в отчете замеров исследованного участка. Основные работы велись им за пределами зольника, т.е. на плато. Сначала в разных местах внутреннего укрепления С.С.Гамченко заложил 5 "канал" размерами 5 саж. на 2 арш. (13, с.168-169), т.е. площадью 15,13 кв.м каждая. Таким образом, общая площадь этих каналов равняется примерно 76 кв.м (по расчетам

Артамонова около 82,5 кв.м — см. 16, с.58-59). В южной части восточной половины "Замчиска" в результате расширения первоначально заложенной "канавы" раскоп ("памятник 15" по Гамченко) достиг размеров, как минимум, 15 на 8 саж. (13, с.263-265, табл.46,58,146). В переводе на метры величина этого раскопа равнялась 544 кв.м. И наконец, еще один раскоп ("памятник 16" по Гамченко) был разбит в северо-восточном углу "Замчиска". В итоге сделанных прирезок к заложенной здесь "канаве" к концу работ он имел длину 16,5 саж. и ширину 12 саж. (13, с.270-271, табл.59), что составляет около 875 кв.м. Суммируя все приведенные данные о размерах раскопов 1909 г., можно говорить, что тогда была исследована площадь, как минимум, около 1,5 тыс. кв.м. В эту сумму не входят площадь кладбищенских ям и шурфов на месте раскрытых С.С.Гамченко погребений, т.к. их величина в его полевом отчете не определена.

А.А.Спицын продолжил исследование "кургана", заложив в середине насыпи три параллельные траншеи, ориентированные по линии восток-запад, шириной 2-3 арш. (14, л.133-139) или 1,42-2,13 м (рис. 1,2). К сожалению, длина этих траншей нигде не указана, так же как не подсчитана общая площадь раскопа на "кургане". Нашу попытку вычислить размер раскопа на зольнике затрудняет отсутствие масштабов на полевых схемах А.А.Спицына (14, л.126,136), а также геометрически неправильная форма траншей после сделанных к ним прирезок (16, рис.2; 3). Кстати, сам Спицын считает, что осталась нетронутой целая поля насыпи 912, с.158), с чем трудно согласиться. Судя по схемам раскопа на "кургане" и аксонометрической реконструкции раскопа А.А.Спицына (рис. 2) (16, рис. 2; 3), нельзя говорить о целой поле, оставшейся неисследованной. Речь может идти об останках между траншеями и прирезками к ним, а также о нетронутых лопатой краях насыпи (рис. 1).

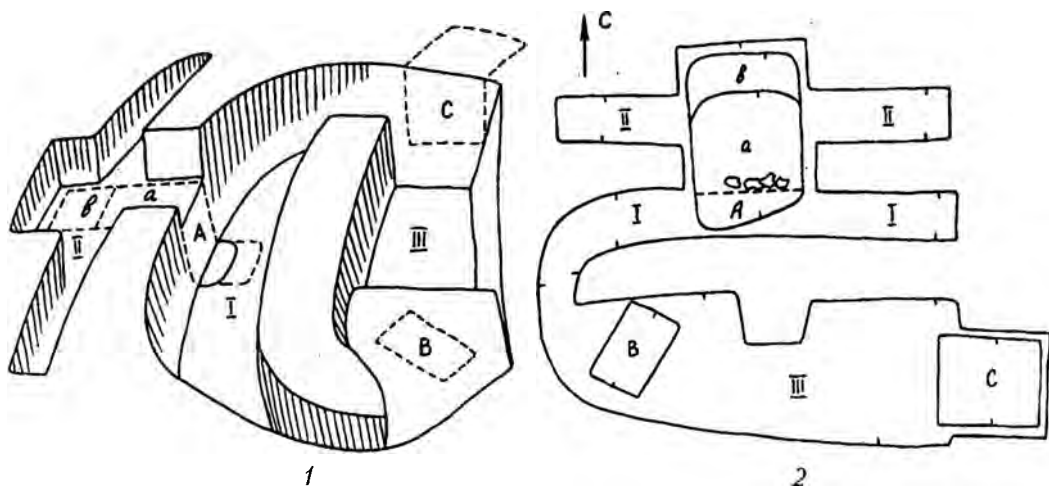

Рис. 2. 1 - Аксонометрическая реконструкция раскопа 1910 г. на зольнике (вид с запада);
2 - Схема траншей на зольном холме (по Спицыну).

Оставив работы на холме, как оказалось близком по характеру зольникам Бельского городища (12, с.158,167), А.А.Спицын переключился на обследование внезольничного пространства "Замчиско". Заложённый им раскоп вокруг "ямы" на середине восточного края детинца, вокруг какого-то естественного провала в каменной подпочве городища (12, с.159) имел длину 10 саж., а ширину 7 саж. По Артамонову, площадь этого раскопа равнялась 315 кв.м (16, с.61), а по нашим подсчетам 318 кв.м. Второй длинный раскоп был проведен от этой "ямы" до самой середины городища, длиной 32 саж. и шириной 4 - 6 саж., что в метрах соответствует 67 на 8,4-12,5 м. Отсюда следует, что его минимальная площадь — 570 кв.м, максимальная — 837 кв.м, а средняя — примерно 700 кв.м. В целом исследованная в 1910 г. площадь ориентировочно составляла 1018 кв.м, не считая зольника.

В совокупности в дореволюционные годы было исследовано, как минимум, 2118 кв.м, не считая пока раскопанную часть зольника. Если к этому добавить 1076 кв.м, вскрытых в 1946-1948 гг. (2, с.69), то минимальное количество исследованной части детинца за все годы раскопок составит не менее 3694 кв.м. В дальнейшем, надеюсь, удастся уточнить и увеличить эту цифру за счет пока не поддающихся точному подсчету раскопанных площадей.

В 1946-1948 гг. исследования велись, в первую очередь, на периферии зольного холма, расплывшегося, скорее всего за счет старых отвалов земли, почти вдвое по сравнению с размерами насыпи на 1910 г. Траншеи шурфы, закладываемые в центральной части зольника, попадали на старые раскопы и ямы, поэтому работы в середине насыпи были прекращены. Судя по незаконченной схеме 1947г., О.А.Артамонова пыталась совместить сделанную рукой А.А.Спицына схему зольного холма и заложённых на нем в 1910 г. траншей с контурами зольника в размерах 1946 г. и раскопами 1946-1947 гг. (рис. 1). Но поскольку во время раскопок не удалось получить точных привязок к старым раскопам на зольнике, это совмещение, в определенной степени, является приблизительным.

Одновременно во многих местах внутреннего укрепления, преимущественно в его северном конце и северо-западной части, исследовалось внезольничное пространство. Раскопки велись, главным образом, путем разбивки траншей шириной 2 м и длиной примерно от 20 до 100 м. На месте обнаруженных следов ям, землянок и наземных построек трипольской культуры, скифского и древнерусского времени к траншеям делались прирезки до полного раскрытия тех или иных сооружений. Кроме того, через внутренний вал "Замчиско" была проведена траншея (25 x 2 м) с целью изучения его конструкции. Здесь же у вала были разбиты два небольших раскопа, давших богатый трипольский и чернолесский материал. В целом, судя по существующему генеральному плану раскопов Юго-Подольской экспедиции и архивным записям, за три полевых сезона было исследовано примерно 1076 кв.м, из них в 1946 г. — около 56 кв.м, в 1947 г. — 320 кв.м и более всего в 1948 г. — 700 кв.м. К сожалению, к генеральному плану раскопов 1946-1948 гг. оказалось невозможным привязать шурфы и траншеи, заложённые С.С.Гамченко и А.А.Спицыным за пределами зольника.

В послевоенные годы в восточной и юго-восточной поле зольного холма были открыты два округлых в плане жилища земляночного типа (рис. 1). Третье жилище такого же типа было раскрыто к юго-западу от зольника в траншее IV

1948 г. Говоря о значении этих открытий на Немировском городище, М.И.Артамонов писал, что скифские круглые землянки явились первыми памятниками такого рода, ставшими известными науке (11, с.178). Поскольку до сих пор в имеющихся публикациях не дано подробного описания немировских круглых жилищ земляночного типа, по мере возможности дадим характеристику каждого из трех в отдельности вместе с найденным в них материалом.

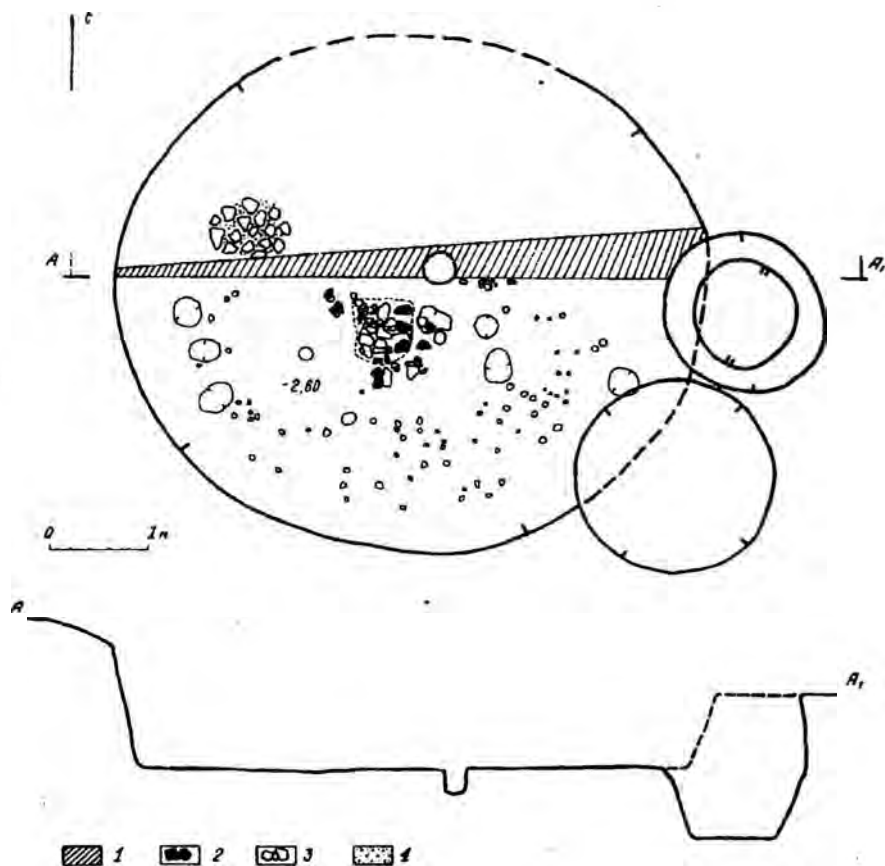

Рис. 3. План землянки № 1.

1 - бровка между раскопами 1946 и 1948 гг.; 2 - печина; 3 - камни; 4 - зола. уголь.

Жилище № 1. Его северная часть была обнаружена в траншее 1946 г., о чем пишет М.И.Артамонов в своем отчете, предполагая, что эта землянка имела четырехугольное очертание (16, рис.4). Доследовано это жилище в 1948 г. Окружая в плане постройка, диаметром 5,5 м (С-Ю) и 6 м (З-В) впущена в грунт на глубину 1,1 м, из них на 0,7 м в материк (рис. 3). Стенки котлована вертикальные, высотой 1,3 м, с восточной стороны они срезаны двумя поздними ямами древнерусского времени. Пол — плотно утрамбованная глина с втоптанymi в нее

уголками, золой, мелкими камнями и керамикой. В центре обнаружены следы столба в виде ямки диаметром 30 см и глубиной 28 см, на который могло опираться конусовидное перекрытие этой постройки. Кстати, в каркас перекрытия, а, скорее, наземных деревянных стен, по всей видимости, могли входить деревянные жерди, остатки которых зафиксированы возле западной стенки южной половины котлована во время выборки его заполнения на глубине 2 м от края раскопа. В разных местах основания жилища зачищено еще несколько сравнительно крупных округлых и овальных в плане ямок диаметром до 36 см, а также множество маленьких ямок, выявленных после вторичной расчистки пола, точнее, после снятия специального его покрытия глиняной обмазкой серо-зеленого цвета.

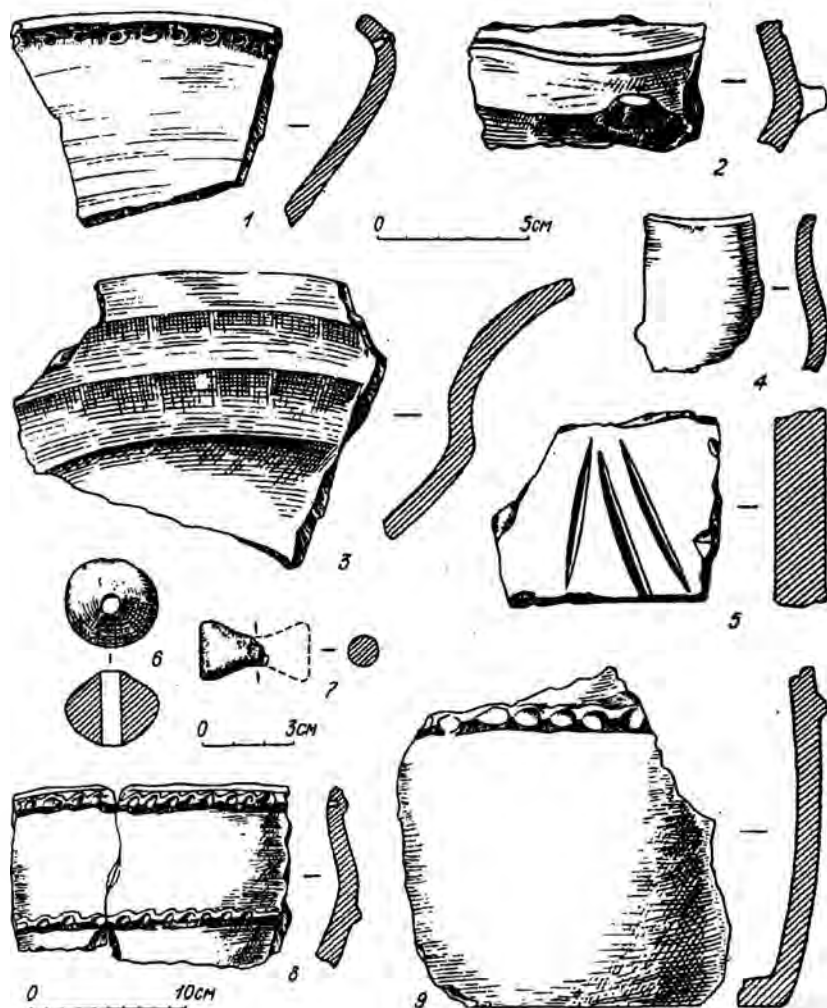

Рис. 4. Керамика и другие находки из землянки № 1 (раскопки 1948 г.).

В центральной части жилища № 1, выше пола на 30 см, обнаружен развал небольшого очага (60 x 70 см), под которого глиняный, сильно обожженный. Вокруг очага разбросаны необработанные камни из гранита. К северо-западу от этого очага, в северной половине постройки, на полу найдено скопление обожженных колотых камней и золы. Здесь же возле камней обнаружено наибольшее для северной части жилища скопление фрагментов битых скифских кухонных горшков и три обломка греческих сосудов (З, с.87,90, рис.1,8; 2,6). На всей площади южной половины землянки при зачистке пола собрано бесчисленное множество битой скифской посуды, как грубой, так и лощеной, разных категорий и видов. К сожалению, за редким исключением не удается полностью собрать из фрагментов целые сосуды.

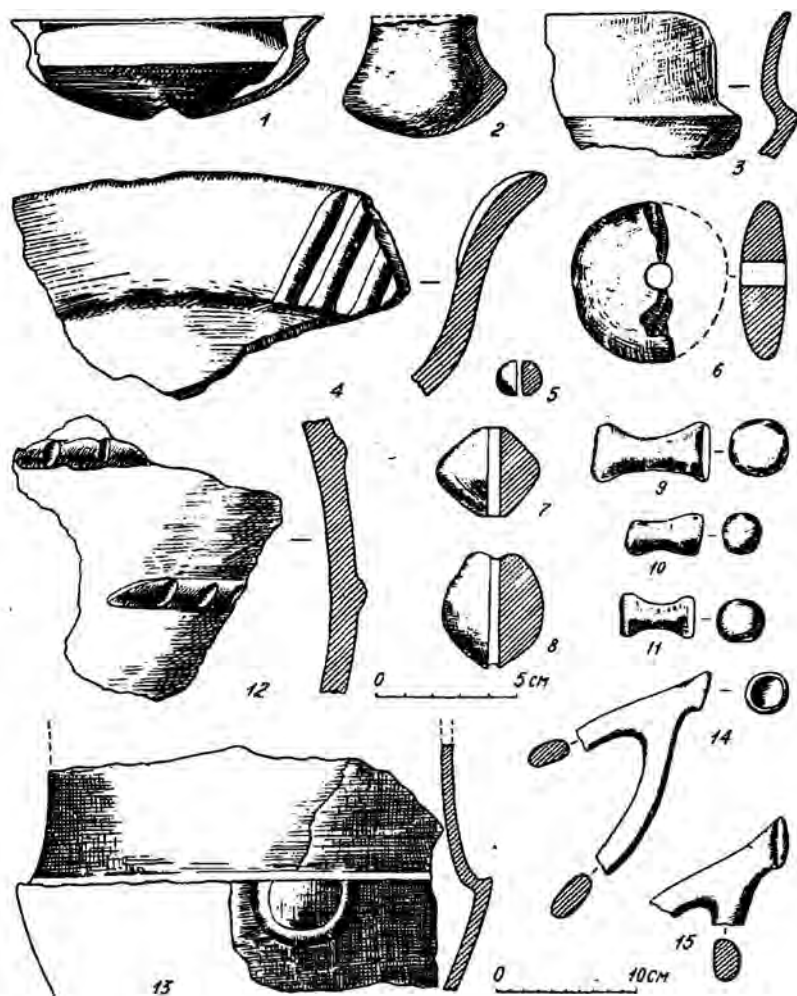

Рис. 5. Керамика и глиняные вещи из землянки № 1 (раскопки 1946 г.).

Среди взятого для камеральной обработки и принятого на хранение материала превалирует керамика. Вещевые находки представлены в основном глиняными пряслицами разной формы и резе катушками (рис. 4,6,7; 5,5-11). Найдена также каменная плитка с глубокими бороздками на одной из сторон — следами заточки металлических изделий (рис. 4,5). Из верхнего горизонта заполнения жилища № 1 происходит боковая плоская ручка бронзового зеркала (рис. 28,11).

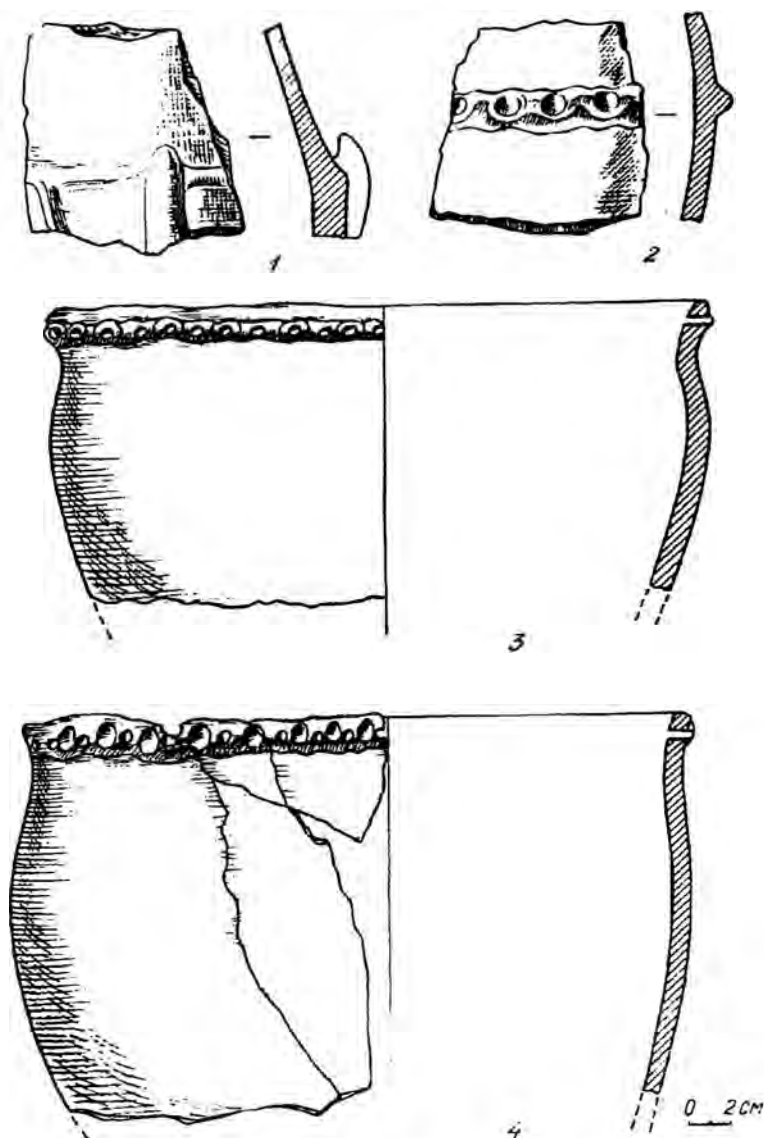

Рис. 6. Керамика из землянки № 1 (раскопки 1946 г.).

Керамический материал, характерный для раннескифских памятников Лесостепи, четко делится на две группы — лепную грубую кухонную и лощеную столовую. В наборе кухонной посуды явно преобладают горшки баночной формы с наlepным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями под краем и наколами по налепу (рис. 6,3,4). Значительно реже встречаются горшки этого типа с валиком на тулове (рис. 4,9; 5,12; 6,2). Другой тип посуды кухонного назначения — котловидные сосуды с широким устьем, украшенные под краем и по тулову на перегибе расчлененным валиком и с проколами под венчиком (рис. 4,8).

В составе столового набора выделяются миски, черпаки, кубки и корчагообразные сосуды, восходящие к сосудам типа Вилланова. Эта категория посуды изготовлена из хорошо отмученной глины, поверхность ее тщательно обработана — лощеная, преимущественно черная, блестящая, нередко с металлическим блеском, либо тусклая, но сглаженная. В данном случае столовая посуда из жилища описывается предельно кратко, т.к. в другом разделе нашей работы ей будет дана развернутая характеристика по типам и формам. Так, среди корчаг из жилища № 1 преобладают обломки сосудов с высоким цилиндрическим горлом, четко переходящим в округлые бока. Перегиб между шейкой и туловом подчеркивается гладким горизонтальным наlepом (рис. 5,13). Присутствуют также фрагменты сосудов с конусовидным горлом, плавно переходящим в тулово. основные элементы декора на корчагах — горизонтальные каннелюры на горле и концентрические полукружия каннелюр под выступами-упорами в верхней части тулова (рис. 4,2; 5,13) или горизонтальные гладкие налепы и концентрические полукружия из наlepов, имитирующих каннелированный декор (рис. 6,1).

Четко различаются два вида мисок. К первому относятся широко распространенные в скифском керамическом наборе в Лесостепи миски округлоконической формы с проколами (и без оных) под загнутым внутрь краем и жемчужинами с внешней стороны (рис. 4,1; 7,10). Второй вид — толстостенные миски с широким развернутым наружу краем, чаще встречающиеся в Западно-Подольской группе памятников. Их край иногда украшался короткими косыми наlepами или широкими горизонтальными каннелюрами (рис. 4,3; 5,4).

К первому виду черпаков относятся сосуды в виде низкой чашечки с резким изломом на переходе прямого венчика в тулово, с округлым, а не плоским дном, посередине которого имеется омфал. Ленточная ручка возвышается высоко над краем (рис. 5,1,14). Черпаки второго вида имеют глубокую чашечку с плавным переходом от венчика к тулову. Высокая ручка, как правило, имеет на вершине фигурный выступ (рис. 4,4; 5,15). Для черпаков этого вида характерна каннелированная орнаментация. Кубковидные сосуды по профилю похожи на чашку второго вида черпаков, поэтому по фрагментам их нелегко отличить от чашек с ручками (рис. 5,2).

Более десятка фрагментов разных греческих расписных сосудов собрано во время зачистки жилища № 1 (3, с.85-90, рис.1,8,9; 2,1,6; 18, рис.2,8,9; 3,1,6; 4,1-7). Они найдены как на полу, так и в заполнении основания котлована жилища № 1. Отсюда же, точнее с пола, происходит обломок тонкостенного сероглиняного сосуда, сделанного на круге, без сомнения греческого.

Рис. 7. Образцы столовой посуды из чернолесского (4, 6) и скифского (1-3, 5, 7-10) слоев.

Жилище № 2 с двумя жилыми горизонтами расположено северо-восточнее землянки № 1, примерно в 2 - 3 м от нее (рис. 1). Эта постройка имела вид округлого в плане котлована с отвесными стенами и ровным полом диаметром 5,8 м (по линии С-Ю) и глубиной не менее 1,2 м (рис. 8). На центральном столбе, следы которого в виде ямки 32 см диаметром и 46 см глубиной зачищены в полу постройки, по всей вероятности, крепилась кровля жилища. Разрушенный очаг (№1) первого жилого горизонта находился на земляном полу в юго-западном секторе котлована, недалеко от центрального столба. Он представлял собой обрамленное обожженными камнями скопление золы, углей, редких кусков обмазки размерами 1 x 1,1 м. По всей площади пола зачищено множество ямок разных размеров, системы в расположении которых не наблюдается. Кроме того, на полу северной половины жилища зафиксированы отпечатки растительной циновки и дерева (жердей).

В мусорно-золистом заполнении первого горизонта содержалось большое количество обломков керамики и костей животных. Толщина этого слоя заполнения 30 см в центре. По краям, возле стен он поднимается выше. Мусорно-золистый слой перекрыт полом второй постройки. Очертания позднего жилища, заглубленного в грунт самое большее на 0,9 м, не совсем совпадают с контурами ранней постройки. В южной половине жилища, в основном, за счет канавки для крепления основания деревянных стен второго периода жизни, южная граница поздней постройки выходит за пределы первой. В канавку, вырытую по периметру поздней постройки, крепились основания вертикальных столбов, облицовывавших стены. Пол в виде слоя обожженной глины красного цвета плавно поднимается до внутренних стенок канавки. Посередине пола выявлена ямка от центрального столба диаметром 30 см и глубиной 50 см. Кроме того, в разных местах площади пола зачищены ямки диаметром 4-5 см. Очаг № 2 расположен примерно в центре северной половины поздней постройки. Это глинобитная площадка толщиной 20 см, близкой к прямоугольнику формы размером 1,24 x 1,5 м. Сверху по краям пода лежали камни и отдельные куски печины (рис. 8). В середине северной половины очага находилось округлое углубление, заполненное золой и углем. В заполнении поздней постройки № 2 собраны в большом количестве фрагменты разных скифских сосудов и обломки костей домашних животных.

Поскольку в существующих дневниках за 1947 г. не дано описания землянки № 2 после завершения ее расчистки, а дневниковые записи, сделанные в процессе зачистки, краткие и глухие, трудно было дать исчерпывающую характеристику этому жилищу. Опираясь только на полевые чертежи, правленные рукой О.А.Артамоновой, включая легенду к условным обозначениям, мы представили свое описание этого интереснейшего жилого объекта на Немировском городище. Но у нас осталось сомнение относительно деревянной облицовки стен землянки № 2, о чем писал М.И.Артамонов в предварительных сообщениях (11, с.178). Он нигде не говорит о двух горизонтах в этом жилище, поэтому, пользуясь одним только чертежом, на котором канавка со столбами то входит в границы раннего жилища, то из них выходит, нельзя решать вопрос, имели ли такую облицовку стены древнего жилища. Но, скорее всего, не имели.

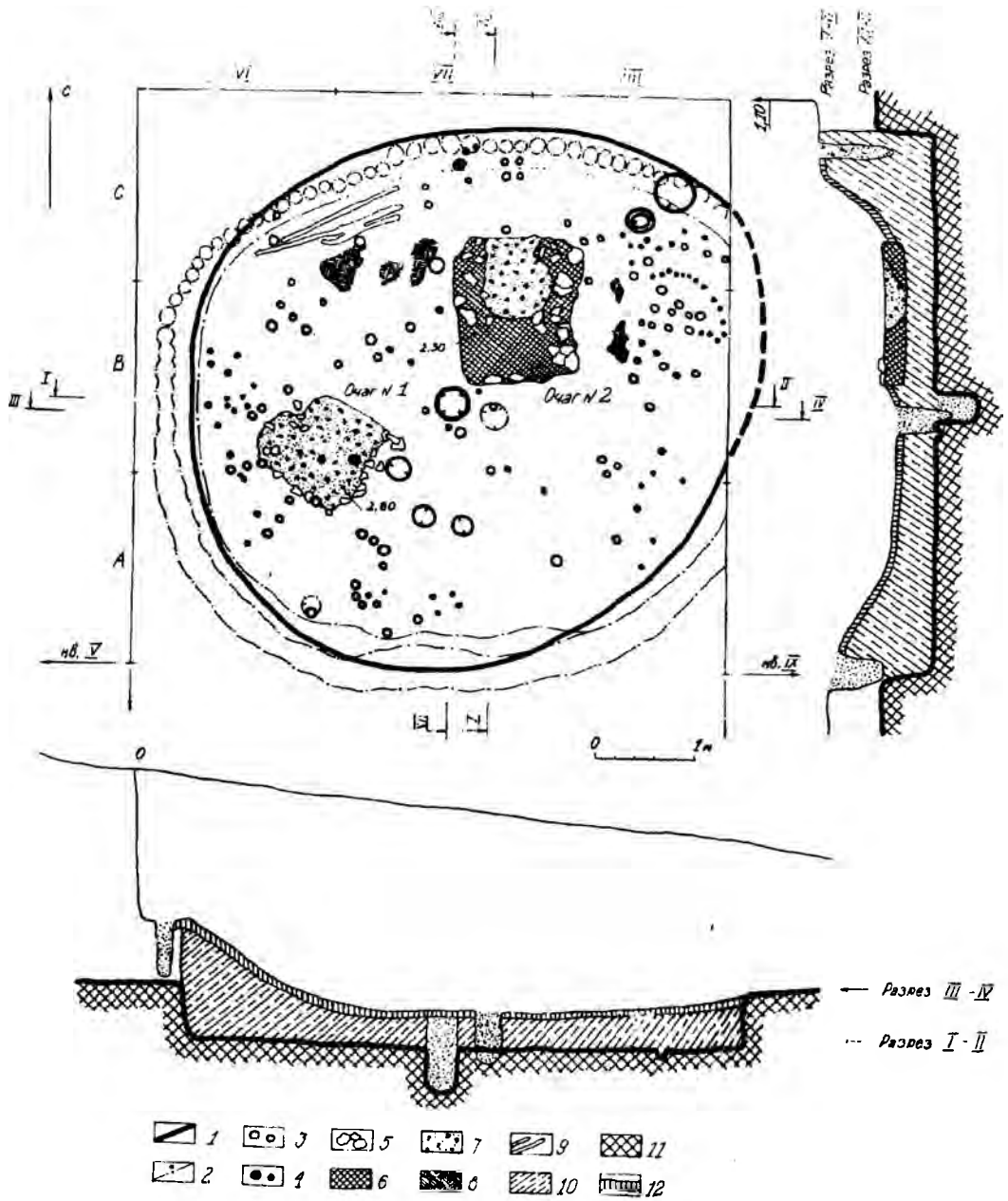

Рис. 8. План землянки № 2.

1 - границы первоначального жилища; 2 - границы второго периода жизни; 3 - ямки в первом жилище; 4 - ямки второго периода жизни; 5 - камни; 6 - глинобитный под очага; 7 - зола, уголь; 8 - следы тростниковой циновки; 9 - деревянные колья; 10 - заполнение раннего жилища; 11 - материк; 12 - пол второго периода.

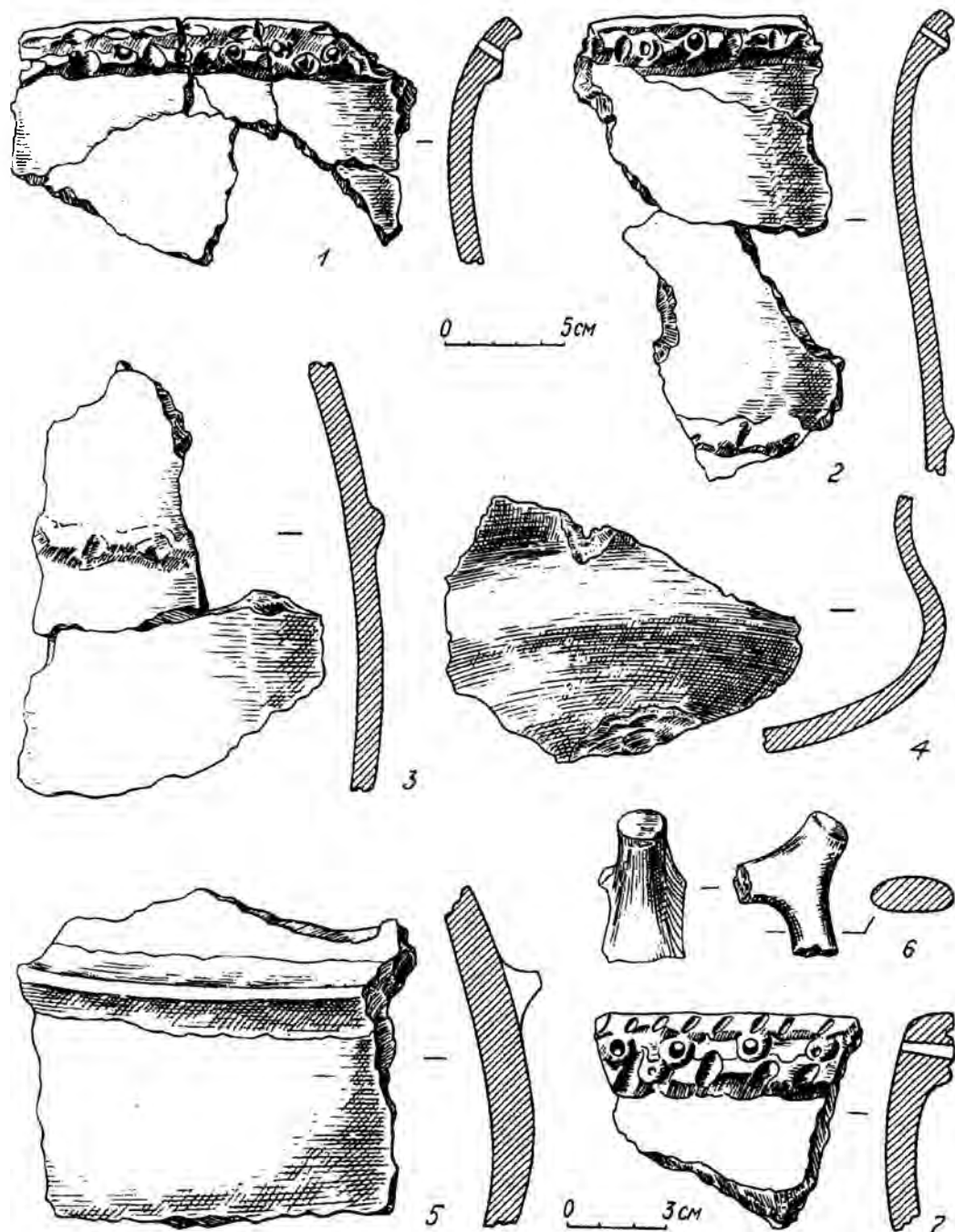

Рис. 9. Образцы керамики из землянки № 2.

Возникают и другие вопросы по этой землянке. Если удастся найти еще один дневник раскопок на городище в 1947 г., тогда, вероятно, придется внести дополнения и коррективы в ее характеристику. По тем же причинам почти не представляется возможным расчленить по двум жилым горизонтам материал, найденный в этом жилище. Ориентируясь на отметки глубин в полевой описи, большую часть керамики следует относить ко второму этапу существования землянки № 2.

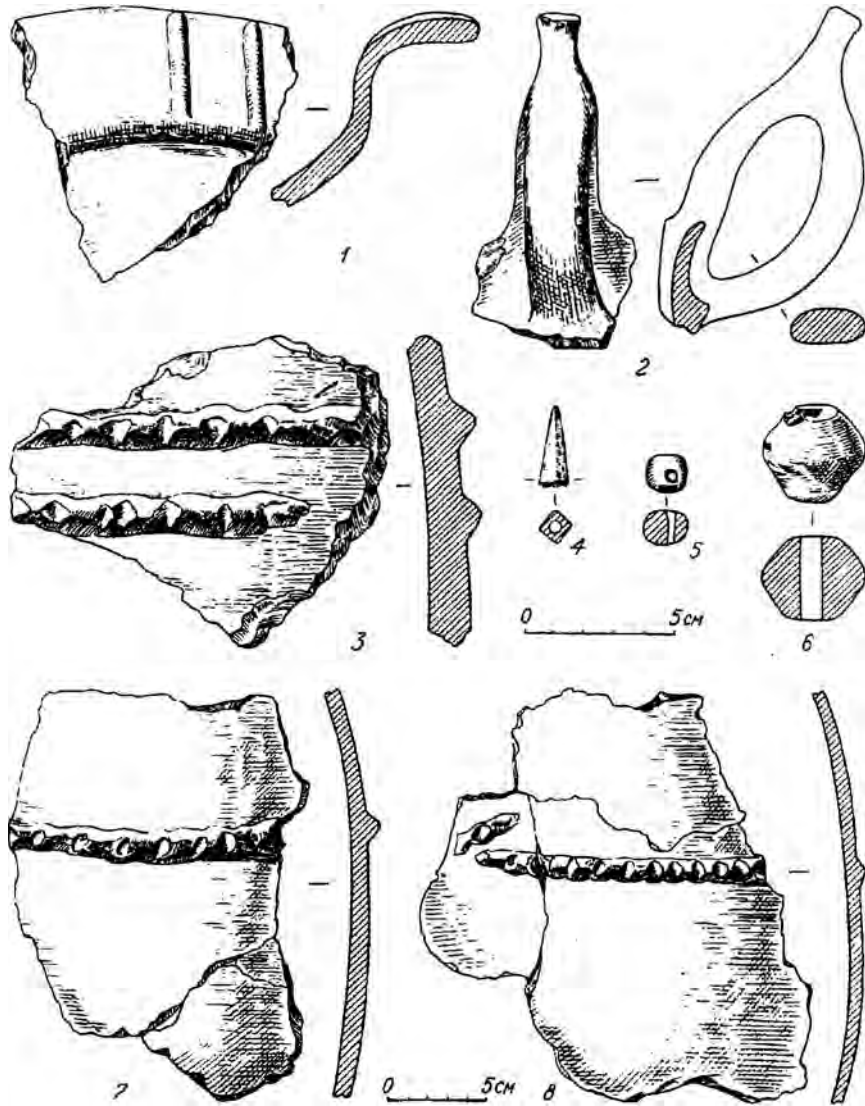

Рис. 10. Керамика и другие находки из жилища № 2.

Примечательно, что в позднем горизонте набор чернолощеной посуды идет в сочетании с ранней кухонной. Это крупные фрагменты горшков с изогнутой шейкой, восходящие профилем к чернолесским тюльпановидным горшкам (рис. 9,2,3). Они, как правило, украшены двумя расчлененными налестками — под венчиком и по тулову. В жилище найдено много фрагментов стенок от этих сосудов с валиком по тулову, довольно часто с заходящими друг за друга концами (рис. 10,3,7,8; 11,8). Жаль, что не удается реконструировать полный профиль таких горшков, но среди них, можно полагать, были не только близкие к тюльпановидной формы, но и баночные, бытующие в раннескифское время.

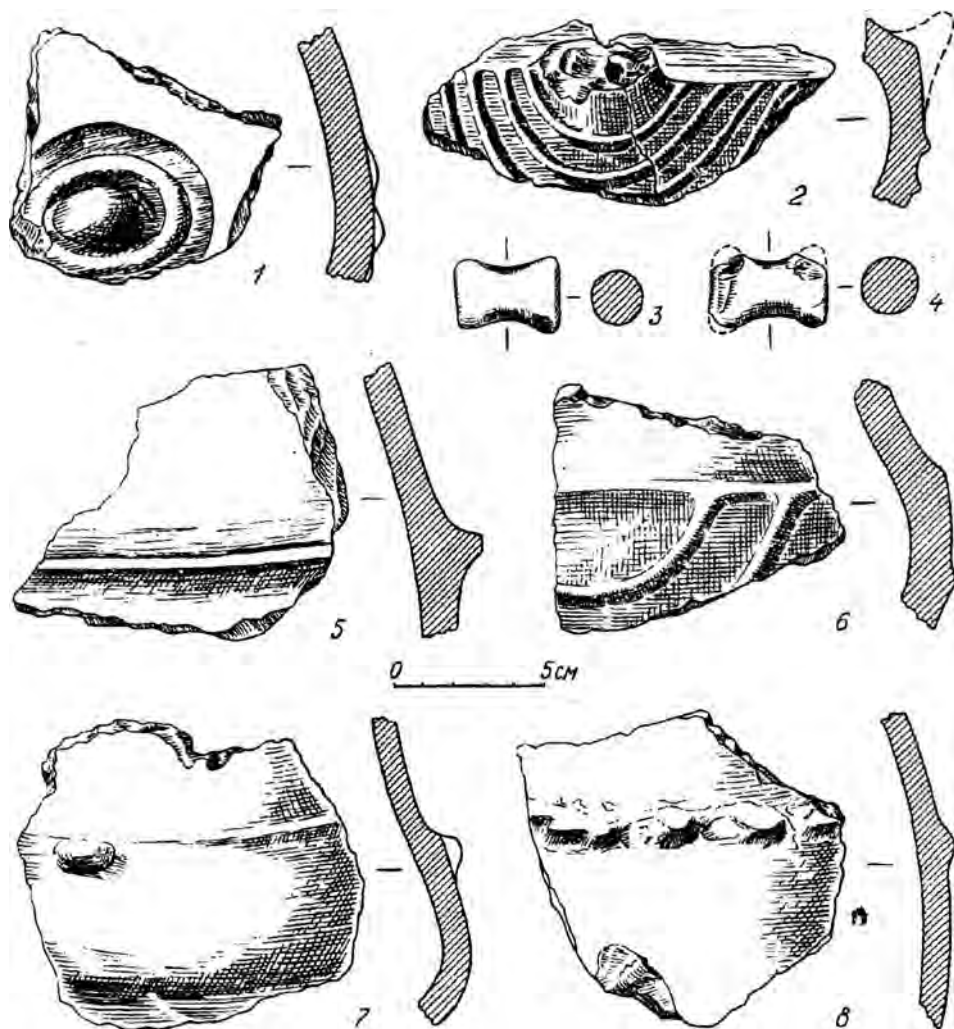

Рис. 11. Образцы посуды и катушки из землянки № 2.

Столовый набор представлен множеством фрагментов чернолощенных корчаг с блестящей поверхностью. Классический для Немирова тип — толстостенные сосуды с высоким цилиндрическим горлом, переход которого в умеренно выпуклые округлые бока подчеркивается гладким налепом. Каннелированный или имитирующий их пластический декор в виде трех горизонтальных рядов на горле и концентрических полукружий, обрамляющих снизу выступы-упоры (рис. 9,5; 11,2,5,6,7; 12,1-5). Интересны единичные стенки корчаг с декором из концентрических каннелюр (рис. 11,1).

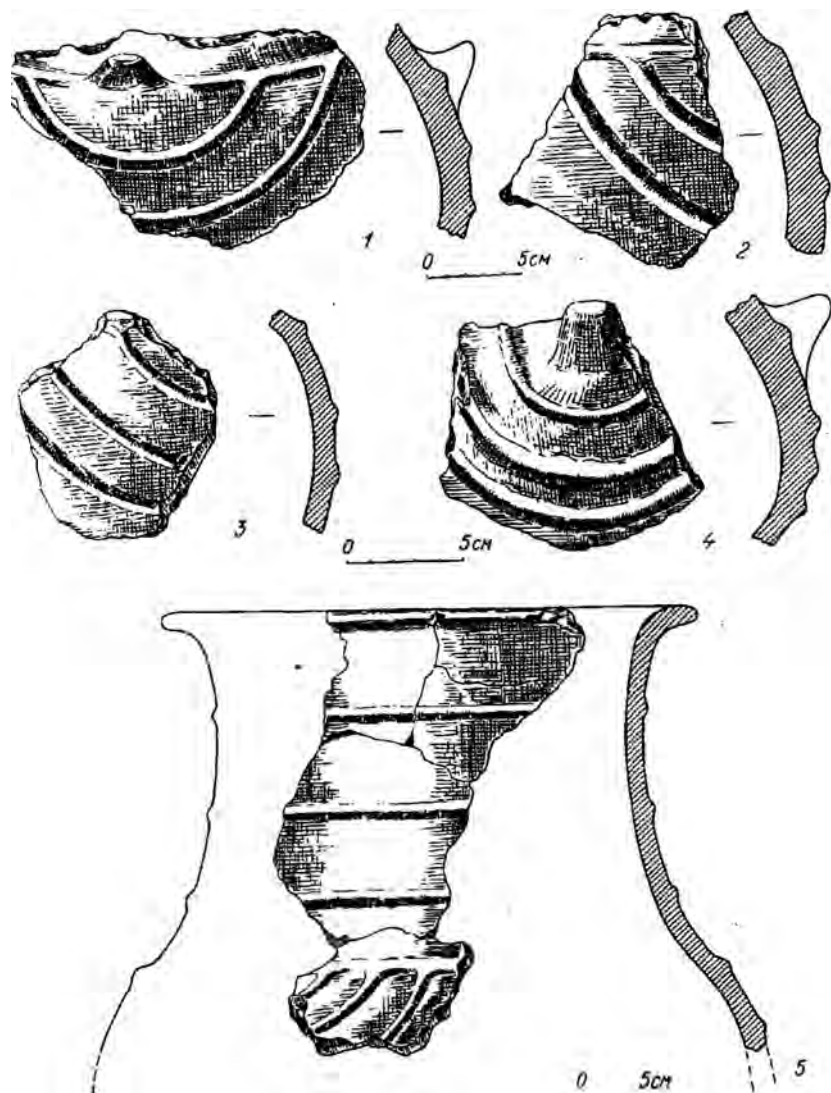

Рис. 12. Образцы чернолощенных корчаг из землянки № 2.

Такую же черную блестящую поверхность имеют миски с широкими отогнутыми наружу краями (рис. 10,1; 13,5). Их характерный декор — горизонтальные широкие каннелюры на внутренних стенках и по краю или группы косых либо вертикальных налепов по краю. Другой тип мисок — овално-конического профиля — также представлен в наборе столовой посуды из этого жилища. Редкие экземпляры таких мисок имели конический полый поддон, подобный найденному здесь же (рис. 7,8).

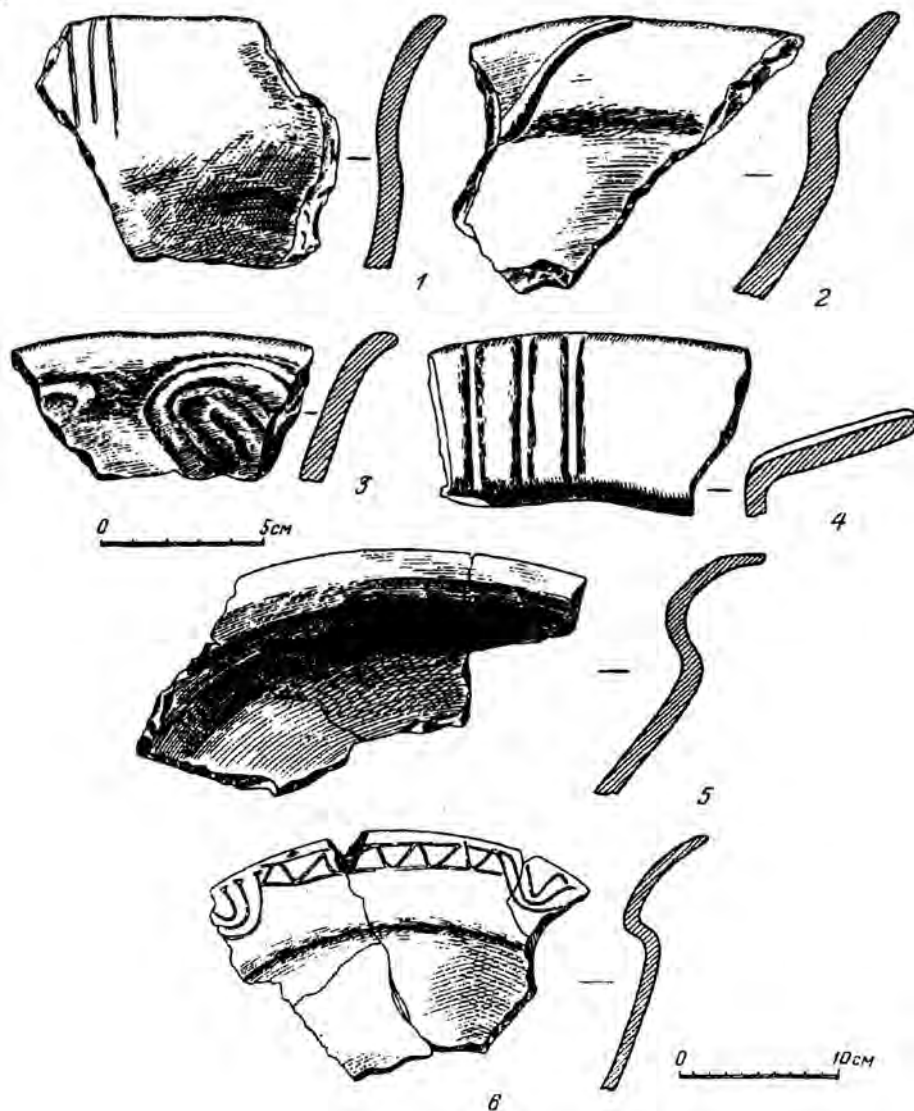

Рис. 13. Образцы мисок (скифский слой).

Тут же собрано большое количество типичных для Немирова тонкостенных черпаков с великолепным лощением. Они имеют низкую чашечку с резким перегибом между краем и туловом, с омфалом на дне. Высокая ручка имеет на вершине выступ разной формы (рис. 14,1-3).

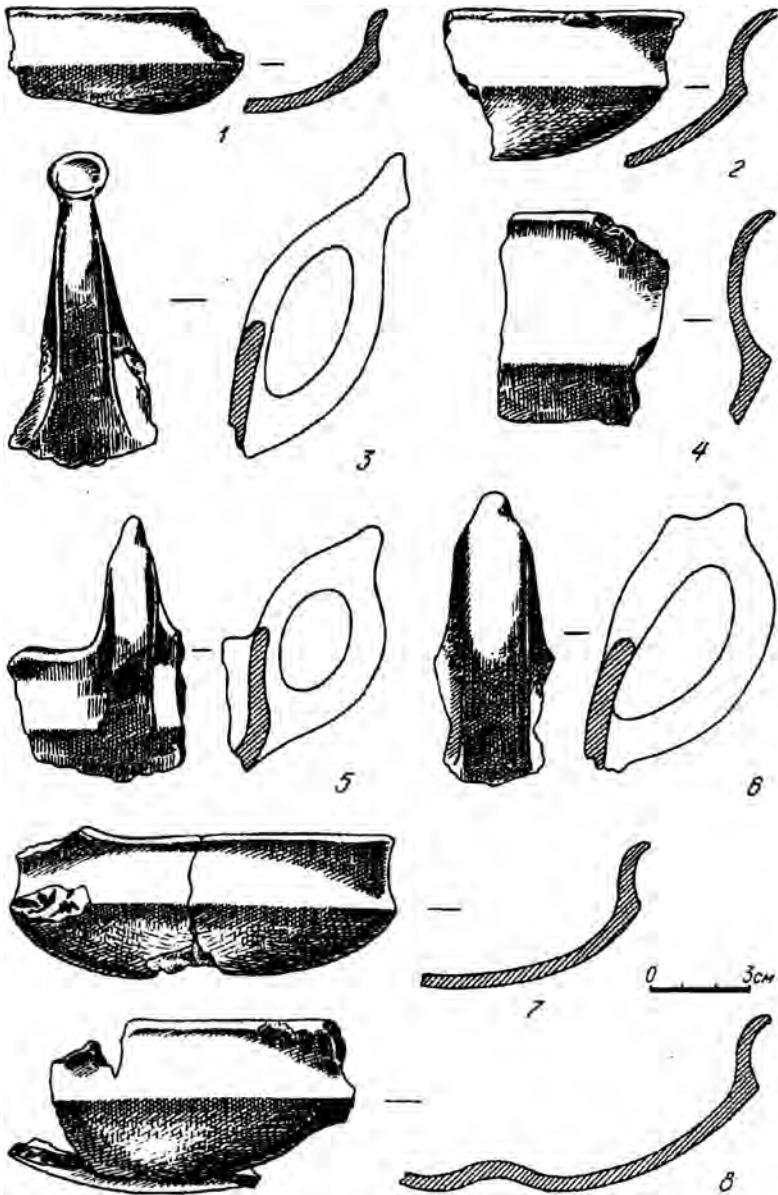

Рис. 14. Черпаки и кубки (скифский слой).

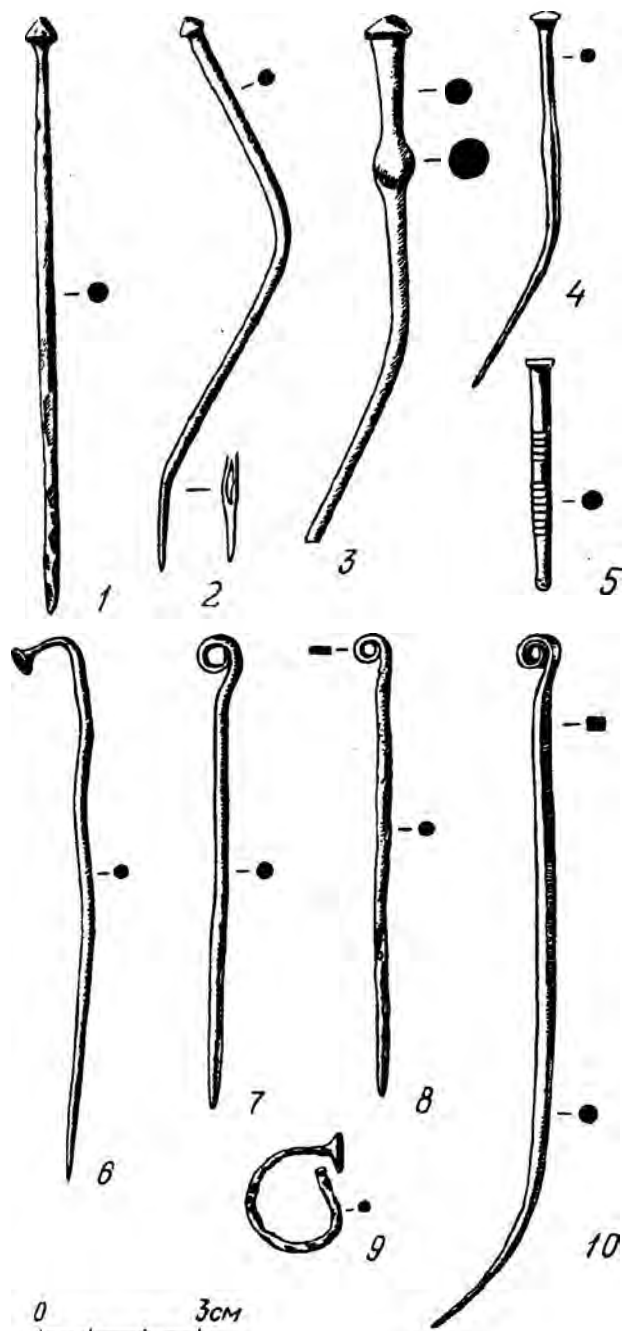

Рис. 15. Основные типы булавок и заушниц
(1 - железо, 2-10 - бронза).

Заканчивая обзор основных видов посуды из землянки № 2, подведем некоторые итоги. Без сомнения, это жилище, по сравнению с двумя другими, дает самый яркий материал как по высокому качеству изготовления, так и по великолепной обработке поверхности столовых видов посуды и богатству ее каннелированной орнаментации. Особенности кухонной посуды, где зримы пережитки черноморского керамического производства, позволяют относить землянку № 2 к несколько более раннему времени, чем жилище № 1.

Вещевые находки из этой жилой постройки в основном повторяют виды вещей, встречаемых в остальных жилищах. Кроме глиняных пряслиц и катушек здесь найдены четырехгранная стрела из кости, железная булавка, глиняная и пастовая бусины и ряд других предметов (рис. 10,4-6; 11,3-4).

Заслуживают также внимания фрагменты греческих расписных сосудов, судя по статистике находок в дневнике, рассредоточенные на разных уровнях заполнения котлована, но, преимущественно, над полом второго жилого горизонта. Все 14 фрагментов, внесенных в левую опись, записаны без отметок глубин, а только с указанием перечня тех квадратов, на которых обнаружено это жилище. Отсюда, нет сомнений лишь в том, что они происходят из жилища № 2.

Жилище № 3 с двумя жилыми горизонтами. Переходя к характеристике этой землянки, уточним, что она находится на плато, к юго-западу от землянки №1, примерно в 60 м от нее. Первоначальная постройка — округлая в плане, размерами 4,4 x 4,8 м, вырытая в материке. Стенки у нее отвесные, дно плоское, глубина 1,2-1,3 м. посередине ее западной стороны обнаружена ступенька размером 1,2 x 0,62 м. С восточной стороны стенки обоих жилых горизонтов были нарушены древнерусской ямой, задевшей также восточный край очага во втором, более позднем жилище № 3 (рис. 16).

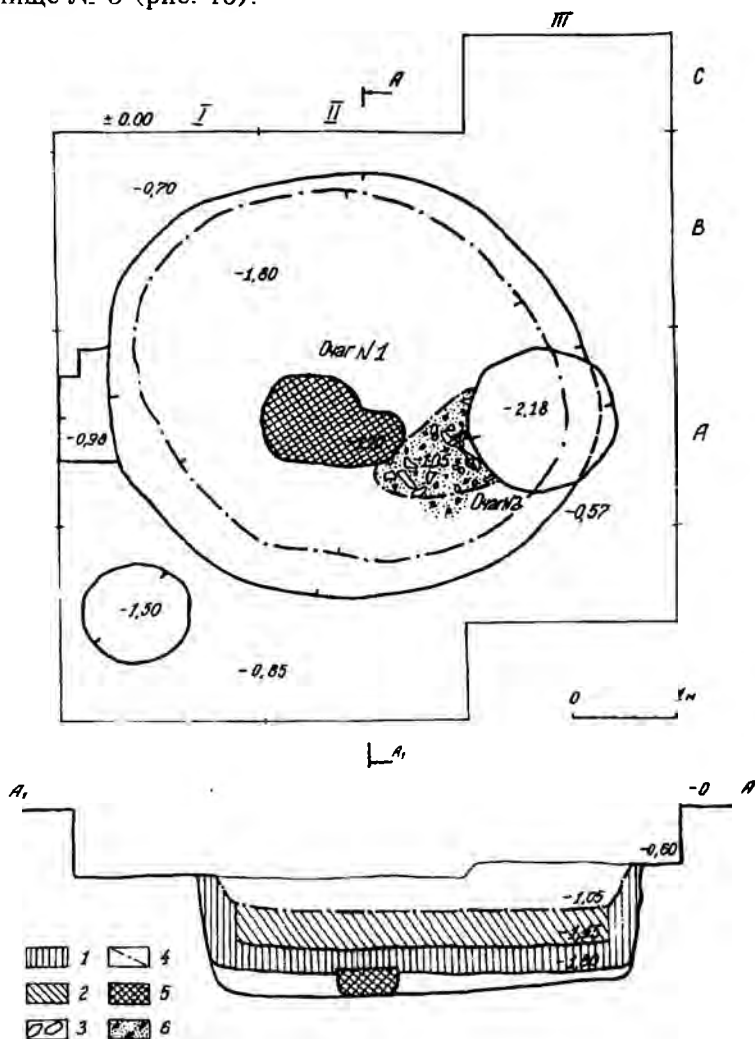

Рис. 16. План землянки № 3.

1 - мусорное заполнение первоначального жилища; 2 - "заплыв" в виде "чистой" глины в заполнении первого жилища; 3 - камни; 4 - границы второго жилища; 5 - глинобитный очаг; 6 - зола, уголь.

Очаг № 1 с основанием на материковой глине котлована занимал почти центральное положение, при незначительном смещении к югу и западу. Он имел не совсем правильные овальные очертания, вытянутые с востока на запад, размерами 0,9 x 1,1 м. Представлен скоплением плотной спекшейся золы толщиной до 30 см, ограниченными пятнами обожженной глины и пережженными камнями. На плане жилища № 3 отсутствуют, но в полевом дневнике упоминаются остатки столбиков-кольев, идущих подковообразно вокруг очага. Их диаметр — 0,5-0,9 см. Северо-западнее очага на материке зафиксировано большое угольно-зольное пятно (0,6 x 0,72 м).

Мусорное заполнение первоначального жилища на глубине 1,7-1,8 м разделено "полом" зеленовато-желтого цвета с включением большого количества золы и угля. Толщина его 18-20 см, в северной части 10 см. Кстати, никаких следов центрального столба, как в жилищах №№ 1 и 2, здесь не обнаружено. Но в дневнике отмечается, что в материке, вдоль стен первоначальной постройки, фиксировались ямки от столбиков диаметром 0,5-0,9 см.

Это жилище на втором этапе жизни существенно сократилось в размерах — до овала 3,6 x 4,3 м и глубины 0,45 м. Пол его в виде желтовато-красной, явно обожженной глины находится на уровне 1,05 м, по краям он плавно переходит в стенки такого же вида, как и обожженный пол. На том же уровне (1,05 м) в юго-восточном секторе находился очаг, представленный скоплением пережженных камней, золы и угля. Слой угля и золы толщиной 25-30 см уходил под уровень обожженного пола, т.е. был впущен в пол. Кстати, под этим полом находился слой "чистой глины", почти не содержащей черепков. Видимо, к моменту возобновления жизни на месте старой постройки стенки последней уже заплыли грунтом с культурными остатками, а середину ее засыпали "чистой глиной".

По количеству культурных включений жилище № 3, без сомнения, беднее построек №№ 1 и 2, расположенных у восточного края зольника. В заполнении обоих жилых горизонтов найдено значительное количество обломков скифской посуды и костей домашних животных. Вещевые находки представлены только одним пряслицем (рис. 17,2). Фрагменты греческой посуды здесь полностью отсутствовали. Керамический материал брался не только по жилым горизонтам, но и по глубинам. Приходится, правда, сожалеть, что большая часть керамики была оставлена в поле. С нашей точки зрения, особой разницы между набором посуды из первого и второго горизонтов жилища не наблюдается. В комплект столовой посуды входят корчаги с пластическими горизонтальными налестками и концентрическими каннелюрами под выступами-упорами (рис. 17,3-5; 16,7), округлоконической формы миски с проколами и жемчужинами под загнутым внутрь краем (рис. 17,1; 18,1,3), низкие острореберные черпаки (рис. 18,6). Металлического блеска на поверхности лощеных сосудов не наблюдается. Кухонная посуда представлена характерными для скифского слоя городища баночными горшками с расчлененным валиком и проколами под краем и таким же валиком по тулову (рис. 17,6,7; 18,2,4,5,8,9). Керамический материал из землянки № 3 по типологическим особенностям близок керамике из жилища № 1, что позволяет говорить о возможной синхронности этих построек.

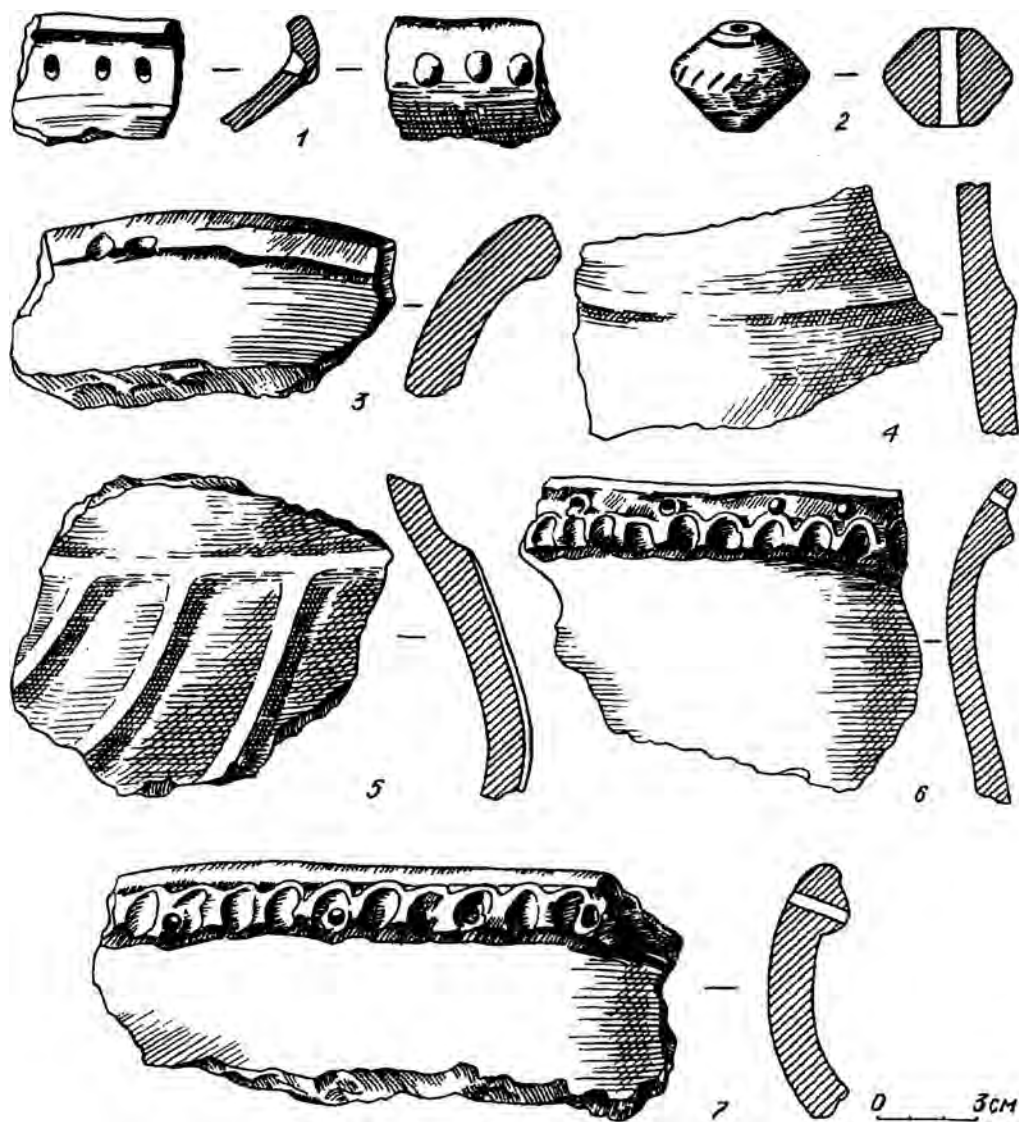

Рис. 17. Образцы посуды и находок из землянки № 3.

Завершая описание жилища № 3, отметим, что обнаруженная в юго-восточном углу траншеи IV круглая яма, скорее всего, относится к этому жилому сооружению, так как в ее заполнении найдены только трипольские и скифские черепки. Скифские ямы и наземные глинобитные очаги были открыты на многих участках, исследованных за все годы раскопок на "Замчиско" (рис. 19), но из-за отсутствия сводных планов увязать их с землянками и другими хозяйственно-жилыми объектами не представляется возможным

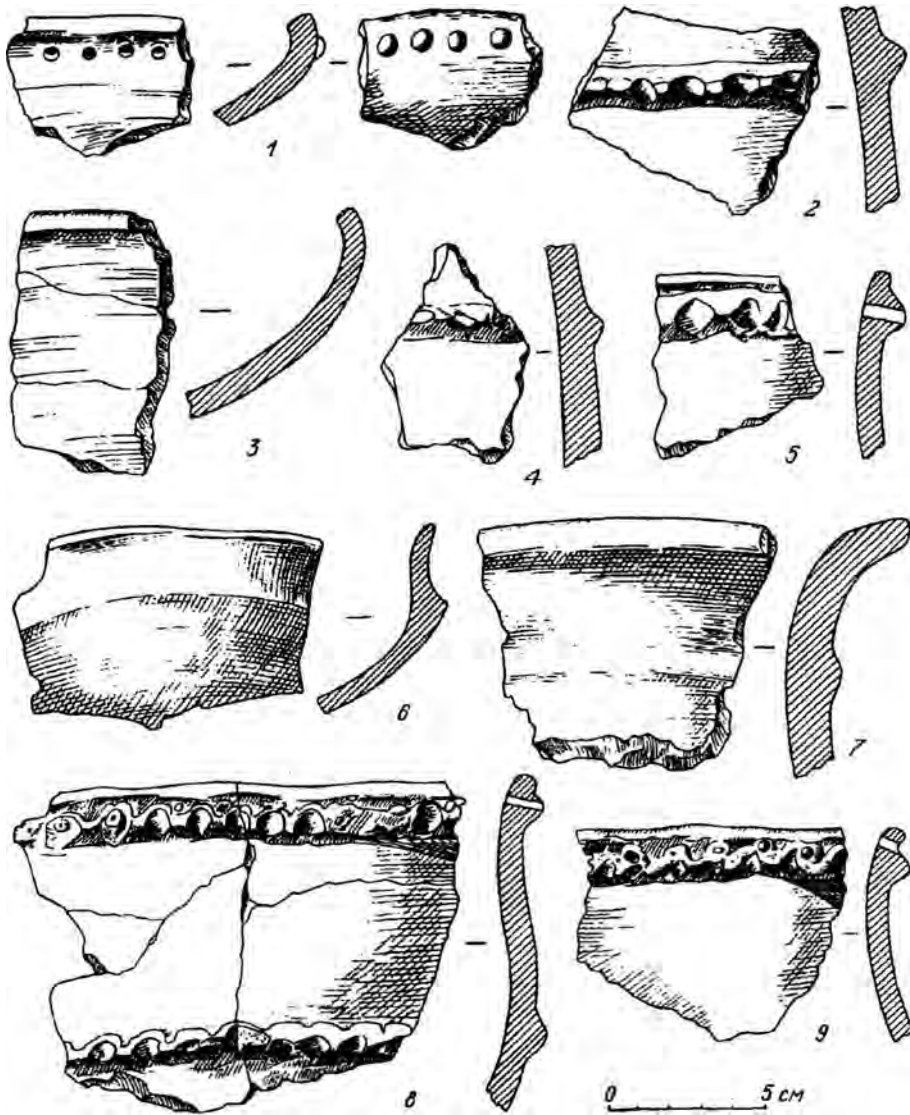

Рис. 18. Керамика из землянки № 3.

Сравнивая немировские круглые землянки со скифскими жилыми постройками такого же типа, открытыми в 40-80-е гг. XX столетия в Правобережной лесостепной зоне, уверенно можно говорить, что такой тип жилища, наряду с другими типами, был характерен для обитателей лесостепи в раннескифское время. Немировские землянки находят определенные, хотя и неполные в деталях, соответствия среди заглубленных в землю построек округлой формы в Южном Побужье, т.е. на Севериновском городище (19, с.90, рис.3), в Среднем Поднестровье — две на по-

селении у с.Селище (20, с.68, рис.31) и шесть на поселении у с.Долиняны (21, с.40-44, рис.2,3; 22, с.42,136, рис.1)* и в днепровском Правобережье (23, с.15,23, рис.4,3,4).

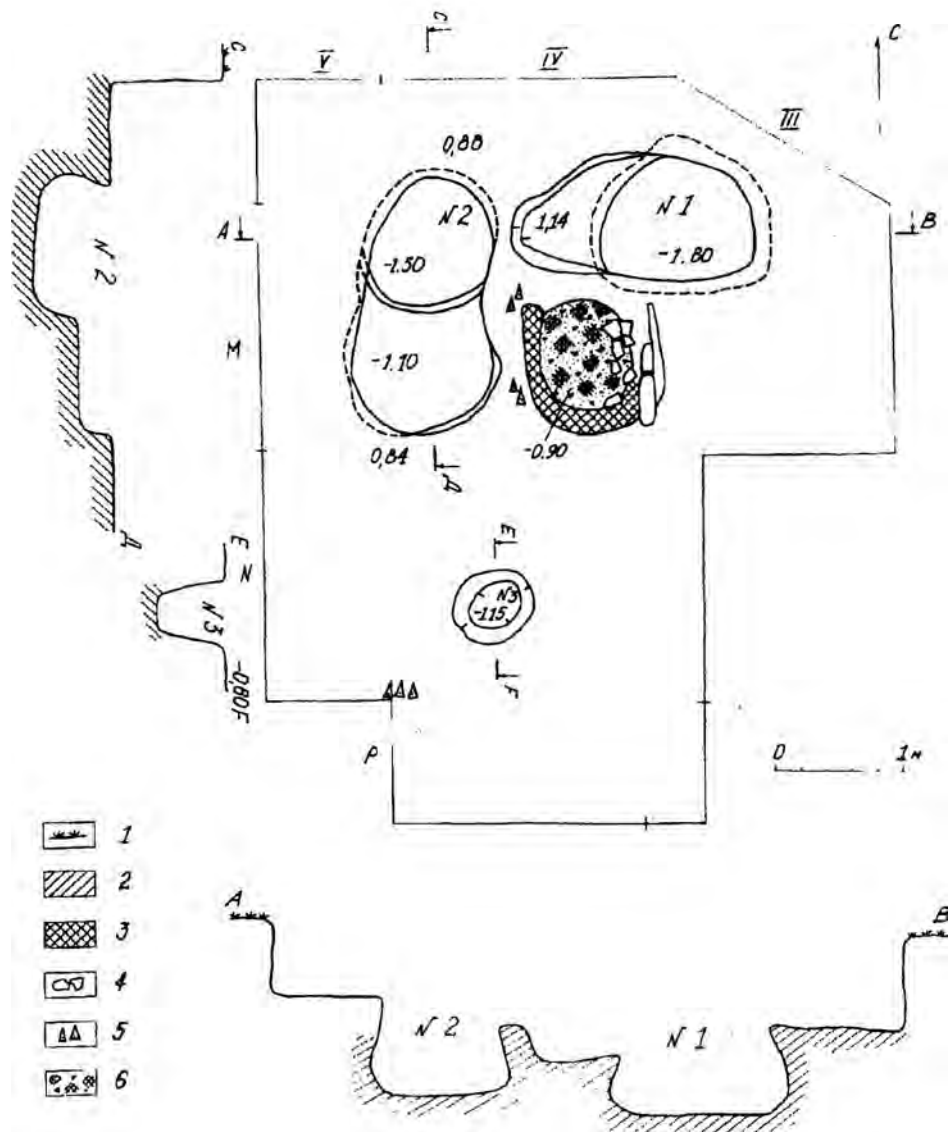

Рис. 19. Наземная "постройка" с глинобитным очагом и тремя хозяйственными ямами в северо-западной части "Замиска" (раскоп 3 V/1).
1 - пахотный слой; 2 - материк; 3 - глинобитный борт очага; 4 - камни; 5 - скопления керамики; 6 - пещина, уголь, зола.

* Два последних жилища, исследованных в 1987 г., еще не опубликованы.

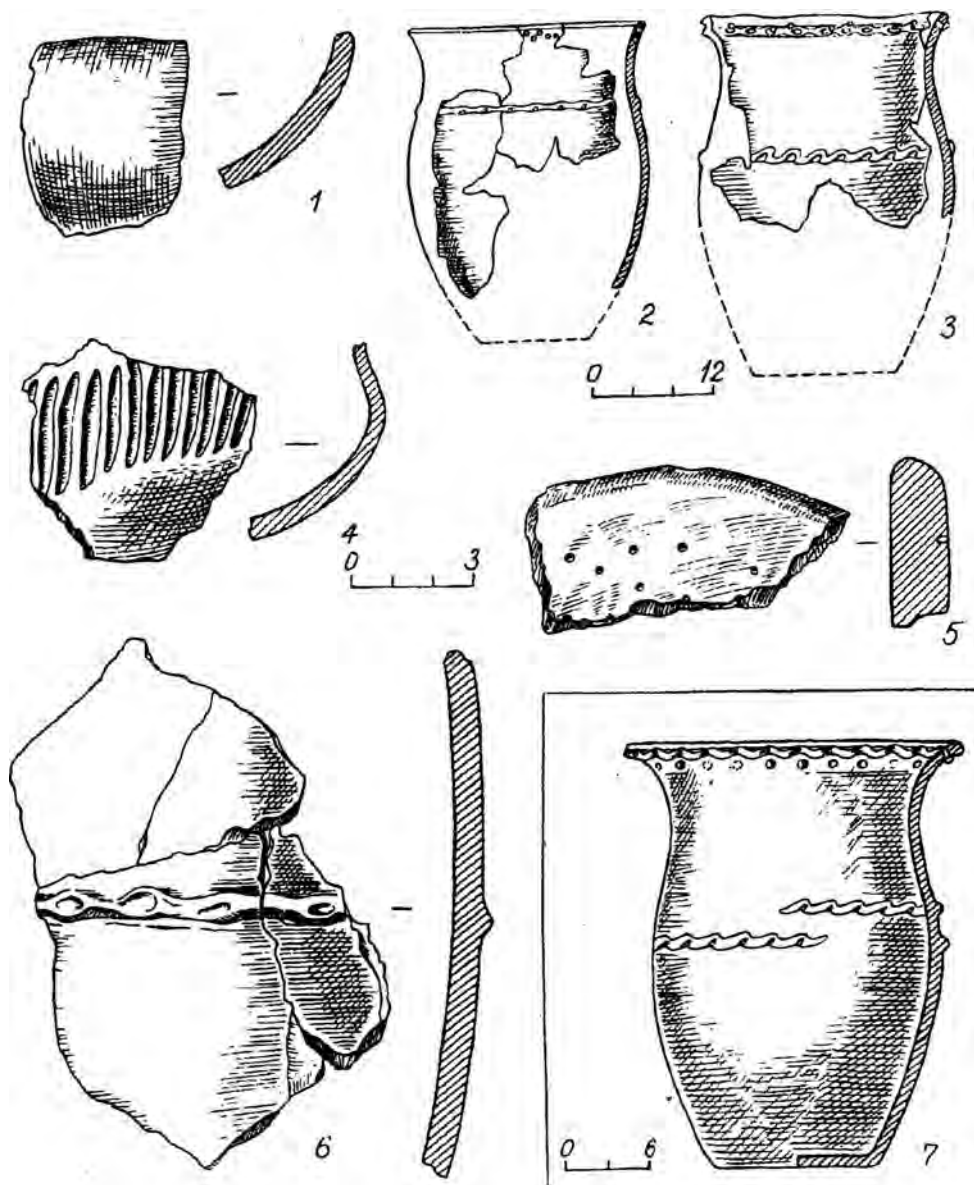

Рис. 20. Образцы посуды, найденные в наземном глинобитном очаге и возле него в северо-западной части "Замчиска" (1-6) и из ямы (7) (чернолесский слой).

Самую большую группу находок в скифском слое городища образует лепная глиняная посуда, представленная, в основном, фрагментами, в исключительных случаях поддающихся сборке в целые сосуды. Во время камеральной обработки материалов Немировского городища из раскопок 1948 г. удалось выделить группу

керамики типичной для чернолесской культуры (24, с.7). По сравнению с тысячами керамических фрагментов скифского времени находки чернолесских образцов грубой посуды невелики, но типологически весьма выразительны. Чернолесские черепки спорадически встречаются в культурном слое разных участков внезольничного пространства. В северо-западной части плато и в шурфах, заложенных возле внутреннего вала, открыто несколько ям и остатки наземной постройки с глинобитным очагом, где концентрировалась керамика чернолесского облика (рис. 20,1-6).

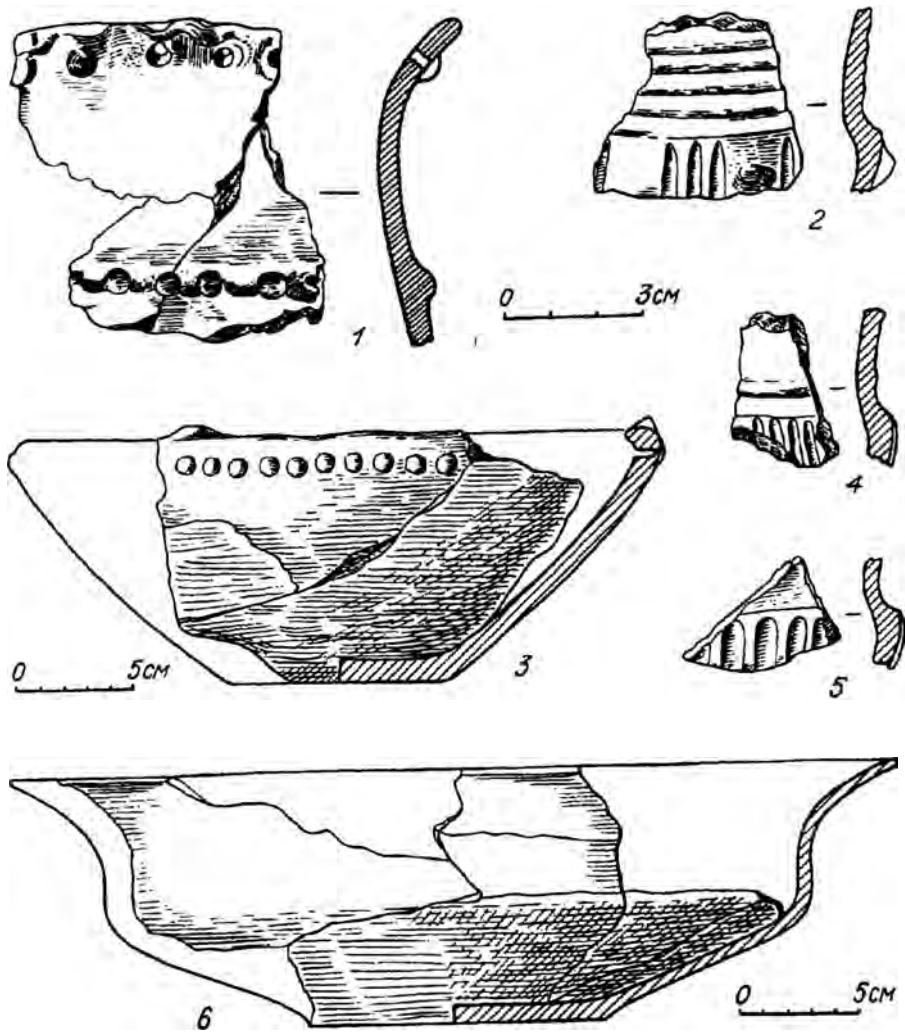

Рис. 21. Образцы посуды из ямы чернолесского горизонта (раскоп 3 IV).

Набор кухонной посуды представлен характерными для Чернолесья горшками тюльпановидной формы с расчлененным валиком под краем и по тулову, либо только по основанию шейки (рис.20,2,3,6; 21,1; 22,1-4). Валики у основания шейки обычно низкие, а помещенные под краем и на тулове более высокие. Валик на шейке и тулове чаще сомкнут, но иногда концы его заходят друг за друга. Нередко по краю венчика нанесены мелкие вдавления, а также проколы или наколы. Как и на многих чернолесских поселениях, здесь преобладают горшки со светлоскоричневой поверхностью, обычно заглаженной.

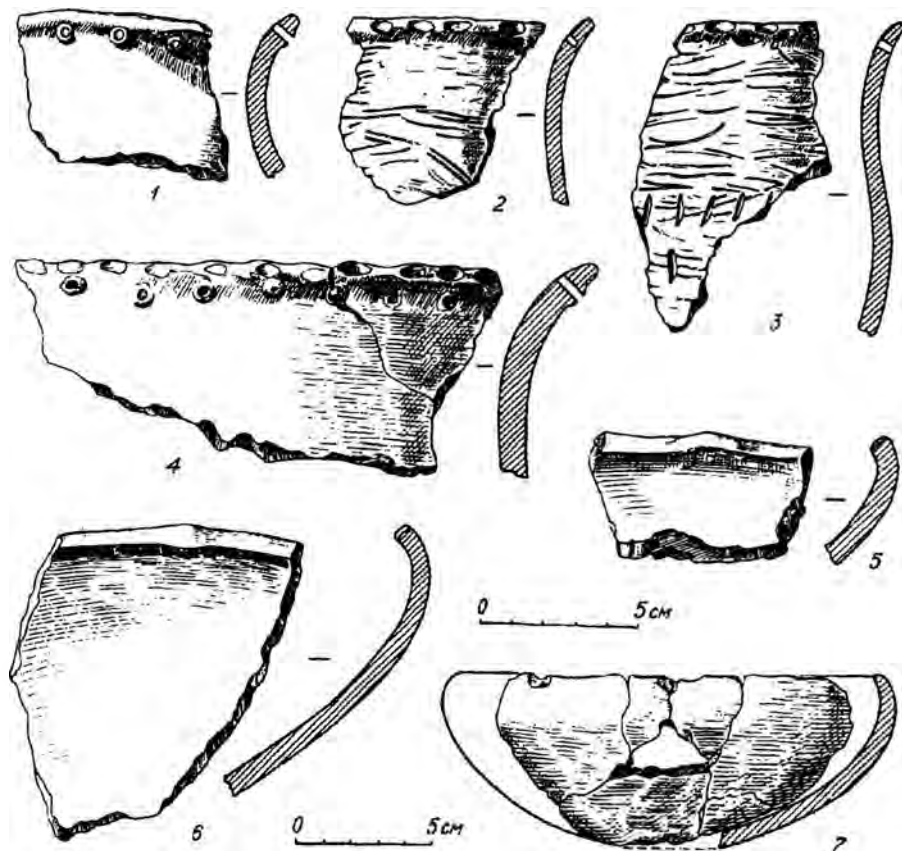

Рис. 22. Керамика чернолесского типа из ям на раскопе № 2 у вала.

Если обособление чернолесской посуды кухонного назначения от скифской не являлось проблемой ввиду ее специфичности по цвету глины, характеру обработки поверхности, по форме и элементам декора, то отделение столовых видов от скифских проходило и проходит с некоторыми трудностями. Следуя принятым в археологии правилам, в первую очередь учитывался факт встречаемости грубой, бесспорно чернолесской керамики с тонкостенной лощеной посудой, происходящей

из ям или найденной в наземном очаге и на участке вокруг него. Эти объекты "закрытого" типа дают почти все известные в чернолесском комплексе виды тонкостенной посуды: миски двух типов, черпаки, похожие на них по профилю кубки и высокие чарки или кружки. В состав чернолесского столового набора входили также корчаги. Но, к сожалению, фрагменты столовых корчаг, перечисленные в статистических записях керамического материала из чернолесских ям, не были взяты для камеральной обработки, т.е. остались в поле.

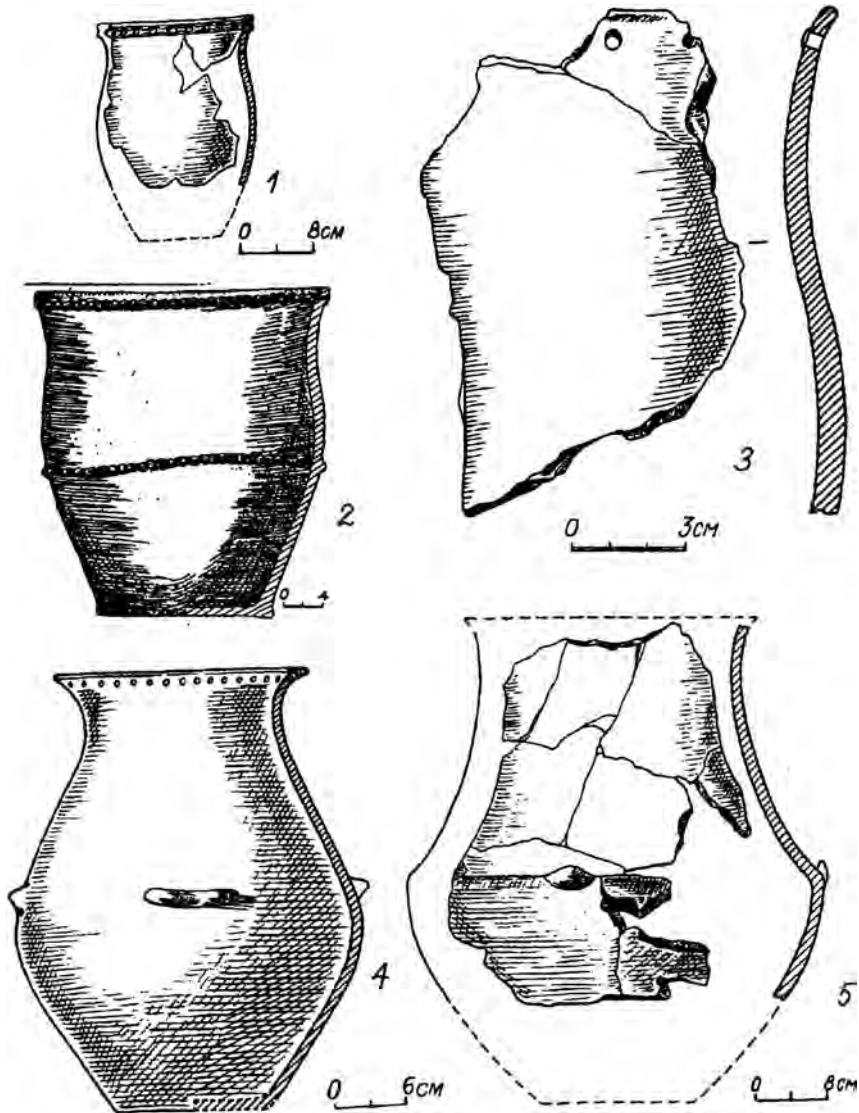

Рис. 23. Сосуды, найденные в очаге наземной "постройки" (2-4) и возле него (1,5).

В чернолесском слое городища известны два типа мисок. Одни из них имеют коническо-полусферический корпус и края, загнутые внутрь. Преобладают сосуды без наколов под краем, нередко с небольшими выступами-шишечками на венчике (рис. 20,1; 21,3; 22,5-7). Миски этого типа, декорированные наколами с внутренней стороны края и соответствующими им "жемчужинами" с наружной стороны, встречаются реже (рис. 21,3).

Другой тип мисок, судя по находкам в ямах, представлен единичными экземплярами (рис. 21,6). Это сосуды с широким, отогнутым наружу краем, без декора в виде каннелюр. Найдена единственная миска, по широкому краю которой нанесен не каннелированный, а желобчато-прочерченный узор в виде концентрических полукружий и полосы с волнистой линией между ними (рис. 13,6). А.И.Мелюкова указала на некоторое сходство этого узора с орнаментом на мисках такого же типа культуры Бесарабь (25, с.81-83, рис.28,16). Допуская такое сравнение мотивов орнамента, обратим внимание на сходство ее желобчатого узора из концентрических полукружий с пластическим декором, имитирующим каннелюры, на миске с блестящей черной поверхностью из скифского слоя Немировского городища (рис. 7,7). Последняя, входящая в состав коллекции из раскопок С.С.Гамченко, по мастерству исполнения, по профилю и пластическому узору из концентрических полукружий и горизонтальных валиков на стенках очень близка мискам 2 типа из скифского набора столовой посуды на городище (рис. 13,5). Приведенные параллели позволяют поставить под сомнение принадлежность миски с желобчатым узором к предскифскому, чернолесскому слою на городище, как это допускалось нами ранее (2, с.73, рис.9,6).

В чернолесском керамическом наборе удается различать несколько типов черпаков или сосудов с ручками. Преобладают черпаки с глубокой или сравнительно глубокой чашечкой S-видного профиля, гладкие либо с декором из узких каннелюр на шейке и верхней половине корпуса (рис. 20,4; 21,2,4,5). Возможно удастся выделить группу черпаков с высоким почти прямым венчиком, плавно переходящим в придонную часть, с округлым дном. Один из таких целых сосудов происходит из чернолесской ямы, открытой возле внутреннего вала (рис. 7,6).

Известны и высокие чарки, которые по пропорциям, форме и характеру каннелированной орнаментации правомерно сопоставлялись А.И.Мелюковой с кружками шолданештского типа (рис. 7,4) (25, с.80,81, рис.28,19).

Корчаги и кубки явно бытовали в чернолесском горизонте, но пока типологически их трудно отделить от скифских в пределах культурного слоя.

Закljučая далеко еще не полную характеристику позднечернолесского керамического комплекса на городище, необходимо сказать, что выделение чернолесского материала из массы скифского продолжается. Но уже на данном этапе его изучения становится очевидным, что чернолесский комплекс тонкостенной посуды из Немирова по ряду признаков отличается от чернолесского на Среднем Днепре (26, с.79,80, рис.40,4,5; 41; 42,4-6; 44,5,7,8; 45; 51,18-24; 27, с.116-143, рис.12; 13; 16,1-7; 17; 20) и Среднем Днестре (28, с.60-62, рис.1-4; 5,23-42; 29, с.43, рис.4,1,2; 7,1,2,11; 8,1-10; 13,4; 30, с.105-119, рис.34,36). Главные отличия между наборами тонкостенной посуды сравниваемых регионов выступают не столько в видовом составе и формах сосудов, сколько в характере ее орнаментации. На немировской

посуде столового назначения не встречается штампованный и резной узор, столь распространенный на керамике чернолесско-жаботинского типа Среднего Поднестровья и Среднего Поднепровья. Основной и единственный вид орнаментации лощеной посуды из предскифского слоя Немирова — каннелюры.

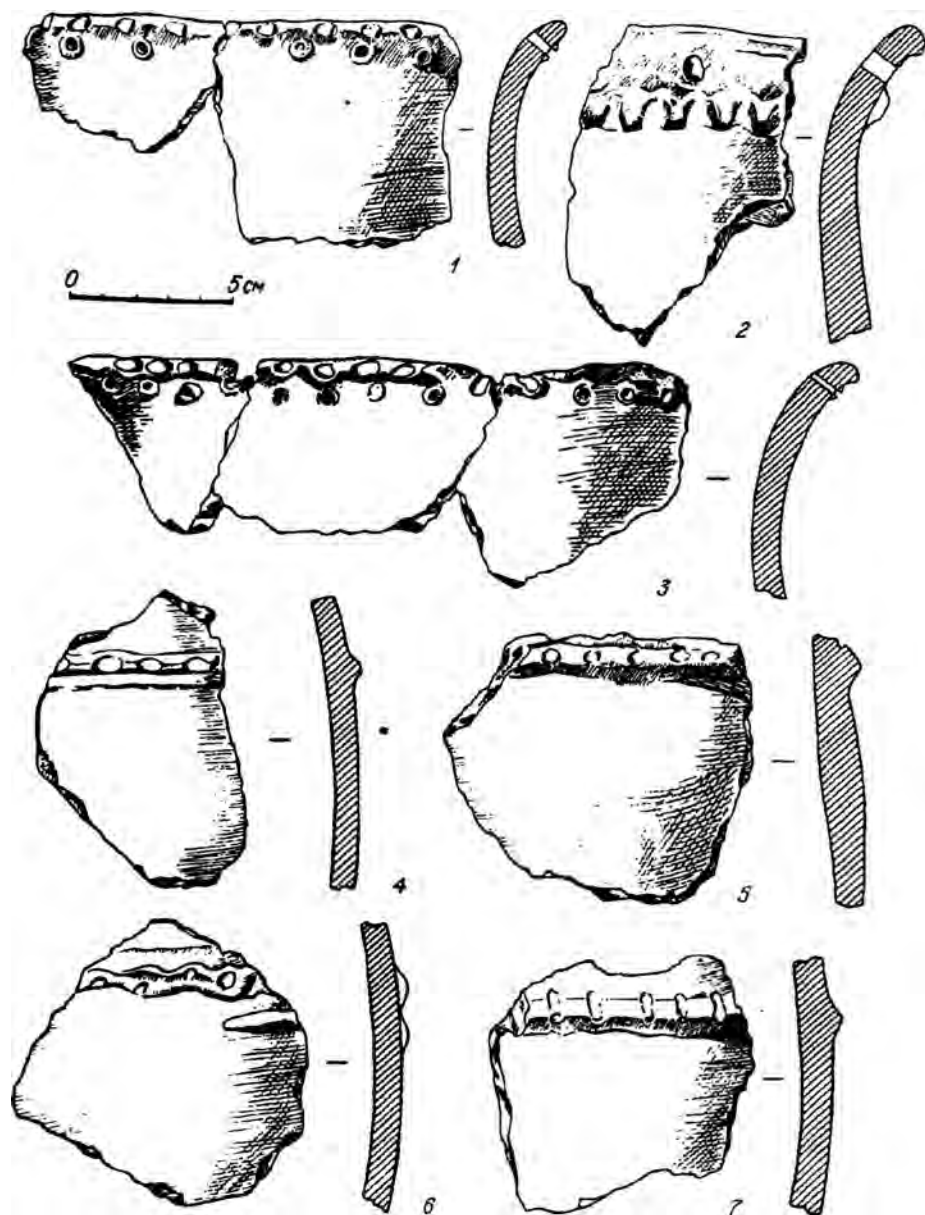

Рис. 24. Образцы кухонных горшков из ямы № 3 на раскопе № 2 у вала.

В скифское время наблюдаются изменения в составе, формах и манере орнаментации кухонной посуды, хотя ее местная линия развития не вызывает сомнений. Вместо горшков тюльпановидного профиля господствуют сосуды баночной формы разных вариантов, украшенные, как правило, проколами и наlepным расчлененным валиком под краем (рис. 6,3,4; 9,1,7; 17,6,7; 18,9; 23,1; 24,2). Баночные сосуды с двумя валиками — под венчиком и по тулову — в целом малочисленны (рис. 23,2), за исключением найденных в землянке № 2 и в яме № 3 возле внутреннего вала (рис. 10,3,7; 24,2,4-7). Весьма примечательно, что в заполнении скифского жилища № 2, как отмечалось выше, баночные сосуды с расчлененными налeпами под венчиком и по тулову встречаются в большом количестве, сочетаясь как с тюльпановидными формами, близкими чернолесским горшкам, так и с баночными горшками, декорированными только одним валиком, располагавшимся под венчиком (рис. 9,1,7). Такое сочетание в названной землянке разных форм кухонной посуды на фоне типичной для Немирова чернолощенной столовой посуды гальштатского облика, позволяет уверенно относить баночные сосуды с двумя валиками к самому раннему пласту раннескифской посуды на городище.

Второй, новой формой кухонного горшка являются котлообразные сосуды с широким устьем, имеющие большой диаметр венчика и относительно небольшую высоту (рис. 4,8; 18,8). По венчику и по тулову они украшались расчлененным налeпом и проколами под краем.

Крышки в виде плоских дисков, широко распространенные на ряде скифских поселений, здесь единичны (рис. 20,5).

Отмечаются существенные изменения в формах и профилировке столовой посуды из скифского слоя, а также в приемах ее орнаментации. Появляются новые типы и подтипы лощеной посуды. Керамика этой категории, происходящая из ям и землянок, из наземных очагов и зольника и сочетающаяся с вышеописанной кухонной, отличается высоким качеством изготовления и лощения, а также богатством и разнообразием типов сосудов и их каннелированной орнаментации и пластинчатого декора, имитирующего часто каннелированный. Еще А.А. Спицыным немировская лощеная посуда была разделена на две группы: гальштатскую и *a la* гальштатскую. К первой он отнес корчаги, черпаки и миски с ярко-черной лощеной поверхностью с металлическим блеском и с выпуклым орнаментом в виде концентрических полукругов, выступов и шишечек. Во вторую группу он включил те же виды лощеной посуды, которые по технике изготовления, по форме, декору во многом повторяют гальштатские, только проще и небрежнее (12, с.161). Такое разделение, в первую очередь по технологическим признакам и качеству исполнения, вполне правомерно и заслуживает внимания.

Среди корчаг (сосуды типа Вилланова) скифского времени, при наличии нескольких разновидностей, выделяются две основные формы. Первая — стройные, вытянутых пропорций сосуды с высоким цилиндрическим горлом с воронковидным венчиком и округлым туловом, отделенным от шейки каннелированным пояском или пластическим горизонтальным налeпом; на границе между туловом и горлом размещались четыре массивных выступа-упора, обрамленных снизу полукружиями из каннелюр. На горле встречаются горизонтальные каннелюры или гладкие валики (рис. 5,13; 11,1,2,6; 12,1,5; 17,3-5; 18,7; 25,6). Вместе с тем среди

корчаг этого вида известны многочисленные экземпляры без каннелированного декора (рис. 26). Вторая форма — биконические сосуды, не столь стройные на вид за счет конического горла, плавно переходящего во в меру раздутые бока, часто с горизонтальными рядами каннелюр на горле и полукружиями из каннелюр под упорами в верхней части тулова (рис. 23,4,5). Под краем у обеих типов корчаг нередко имеются круглые наколы или сквозные проколы.

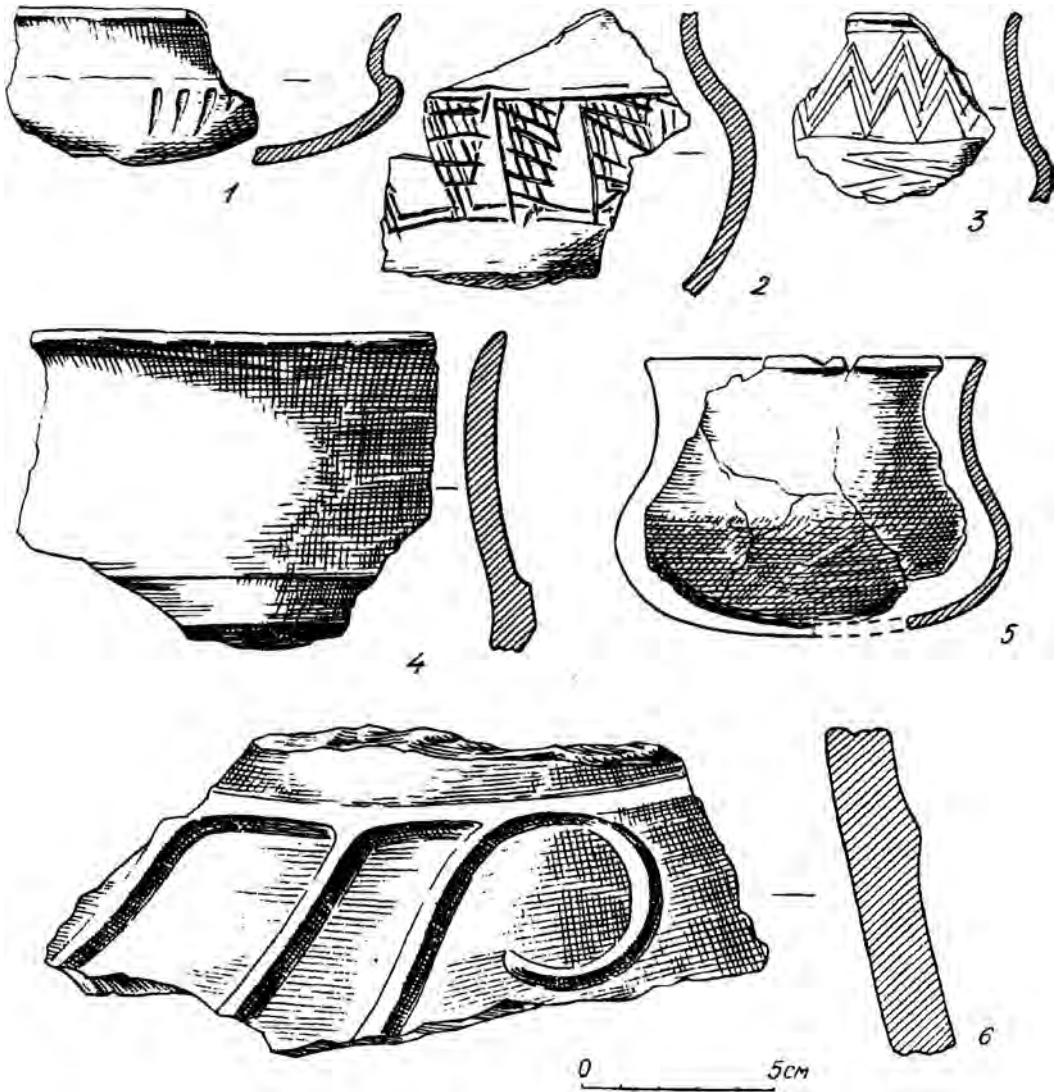

Рис. 25. Образцы керамики из скифского слоя.

В скифском слое встречаются миски двух типов.

1. Миски с загнутым внутрь краем конической формы с округленным корпусом. Основным приемом украшения являются проколы по внутреннему краю и соответствующие им с наружной стороны круглые выпуклины-"жемчужины". Другие элементы декора — четыре выступа по краю или короткие пластические налеты с внешней стороны миски (рис. 4,1; 7,10; 17,1; 18,1). Единичные экземпляры мисок этого типа имели полный конический поддон (рис. 7,8,9).

2. Миски с сильно отогнутым широким краем и коническим корпусом, глубокие и мелкие (рис. 4,3; 5,4; 7,7; 10,1; 13,1-6). У одних из них широкий край оформлялся широкими горизонтальными каннелюрами или имитирующими их валиками, переходящими во внутреннюю поверхность стенок и дна (рис. 4,9; 7,7; 13,5). В других случаях на поверхности отогнутого края, вертикально к краю или под углом, размещались группами по 2-3 коротких валика, либо наносились группы вертикальных бороздок, реже — кружки, концентрические полукружия из каннелюр или каннелированный воллютообразный узор (рис. 7,7; 13,1-4).

При множестве вариантов выделяются два основных типа черпаков.

1. Многочисленные тонкостенные черпаки с блестящей лощеной поверхностью преимущественно ярко-черного цвета. Их изящная чашечка неглубокая, с резко выраженным перегибом на переходе венчика в тулово, с округлым дном, имеющим омфал в центре. Ленточная ручка завершается выступом-отростком разной конфигурации (рис. 5,1; 10,2; 14,1-3,7,8; 18,6). Этот тип черпака в чернолесское время на городище неизвестен.

2. Черпаки имеют глубокую или относительно глубокую чашечку S-видного профиля, т.е. с плавным переходом шейки в тулово и с округлым дном. Ручки — овальные, круглые в разрезе — снабжены выступами цилиндрической, овальной, веерообразной и конической форм (рис. 4,4; 7,3,5; 9,4,6; 14,5,6; 25,1). Декор в виде продольных каннелюр на тулове и реже горизонтальных на шейке преобладает на черпаках второго типа.

Еще одна разновидность лощеной посуды — это кубки. Их трудно выделить из общей массы тонкостенной посуды. Им присуще высокое горло, резко или плавно переходящее в округлое тулово, с омфалом на круглом дне (рис. 5,2,3; 7,2; 14,4; 25,5).

Заканчивая описание лощеной посуды, подчеркнем, что ей чужда орнаментация врезными линиями и отпечатками штампа. В керамической коллекции содержится менее десяти фрагментов с геометрическим резным узором (рис. 25,2,3) (1, рис.7,3,5), характерным для раннескифской (постжаботиновской) посуды Среднего Поднепровья (27, табл.ХI,4; ХVII,3,11; ХХIV,4; ХХV,2; 31, с.81-95, рис.2,6; 12,3; 14,1,3-7; 39,10; 41,3; 42,22; 64,48,49,64,69,72,78,80,91,97,99). Примечательно, что такая же картина наблюдается и на других скифских объектах Среднего Побужья (например, на Севериновском городище — 19, с.88-103, рис.6-10) и Среднего Поднестровья (Западноподольская группа, по Т.Сулимирскому, включая памятники, исследованные в 50-80-е гг. — 32, S.9-17,105-110, Taf.XII,10; XIII-XVII). Отметим также, что среди лощеной посуды Западноподольской группы мы находим самые близкие аналогии всем видам немировской столовой посуды скифского времени, сопоставимой в ряде случаев и по высокому качеству изготов-

ления и лощения (20, с.60, рис.30,32; 33, с.14,15, рис.2; 4,1; 34, с.33,36, рис.3; 6; 35, с.37, рис.6; 12,8,9; 15,8,9; 36, с.109,112, рис.4,10-14; 5; 37, с.71, рис.2-3)

Рис. 26. Коргача чернолощенная из скифского слоя.

Чернолощенная посуда с каннелюрами, но значительно чаще без них, широко бытовала в раннескифской культуре на правобережье Днепра. На ее сходство с немировской указывал еще А.А.Спицын (12, с.165). Действительно, на Среднем Днестре известны общие с немировской типы и формы, одинаковые по пропорциям и контуру стройные корчаги с цилиндрическим или коническим горлом, миски с краем, загнутым внутрь, черпаки, имеющие глубокую чашечку, кубки. Но по сравнению с немировским комплексом весьма малочисленны миски с широкими краями, отогнутыми наружу, и единичны находки низких черпаков с резким изломом на тулове (38, с.91-93, рис.12-15; 39, с.170-172, рис.6,1-6; 7; 27, рис.16,13-17, табл.Х,1,18; XII,3,18; XIII,9,15; XIV,8; XXXII,3-5,7; 40, с.52-54, рис.24,3-8; 25,3-7; 26,1; 27,2; 23, с.50-60, рис.7,16-30; 8,1-5; 9,1-21; 10,1-15). Представлены здесь единичными экземплярами и сосуды с металлическим отблеском поверхности, натертой графитом, к примеру — из курганов у сел Глеваха и Офирна (38, с.93, рис.14; 39, с.170,172, рис.6,2,6; 7). И вместе с тем, в отличие от Побужья и Западной Подолии, на правобережье Днепра прочерченный узор с редкими элементами штампованного, продолжающий орнаментальные традиции чернолесско-жаботинского комплекса, преобладает. И заключая сопоставления, подчеркнем, что на всей территории лесостепи между Днестром и Днестром, кроме Немировского городища, нет другого памятника, где бы в таком массовом количестве была представлена высококачественная по технологии, мастерству исполнения и лощению посуда во всем многообразии ее видов, с богатым каннелированным узором в сочетании с пластическим.

Вещевой инвентарь, найденный в предскифском и, в большей части, в скифском слое городища, не отличается многообразием и многочисленностью. Он обычен для памятников Лесостепи. Это глиняные катушки, пряслица, пуговицы (рис. 4,6,7; 5,5-11; 10,5,6; 11,3,4; 27,3,6-12), проколки простейшего типа и наконечники стрел из кости (рис. 10,4; 27,1,2,5), а также бронзовые, реже железные булавки с головками разной формы (рис. 15,1-8,10; 29,1).

Среди инвентаря найдены и такие вещи, которые характерны только для скифского времени. Например, массивная плоская ручка бронзового зеркала с бортиком. На ручке, суживающейся к концу, оформленному в виде овала, имеются три продольных ребра (рис. 28,11). Или широко распространенные в скифской лесостепи бронзовые заушницы (рис. 15,9) (41, табл.16,53), а также большинство бронзовых наконечников стрел (рис. 27,4; 28,1,3-10; 29,2,5). К скифскому кругу относятся части двух зооморфных псалий из кости — один с головкой грифобарана с рогом под глазом, второй — с копытцем на конце и с продольным нарезным валиком, перекрещивающимся с поперечным гладким валиком (рис. 30,1,2).

Последнюю и очень важную группу находок на Немировском городище составляет импортная греческая керамика (столовая расписная и тарная). Последние данные М.Ю.Вахтиной о датировках этой керамики позволяют с уверенностью говорить о существовании скифского поселения в Немирове с первой половины VII и VI вв. до н.э. включительно (3, с.85, рис.1,2; 18, рис.1,6).

Даты VII - VI вв., иногда с выходом на VIII в. до н.э., дают некоторые категории вещевого инвентаря, о чем нам уже приходилось писать (2, с.80-81).

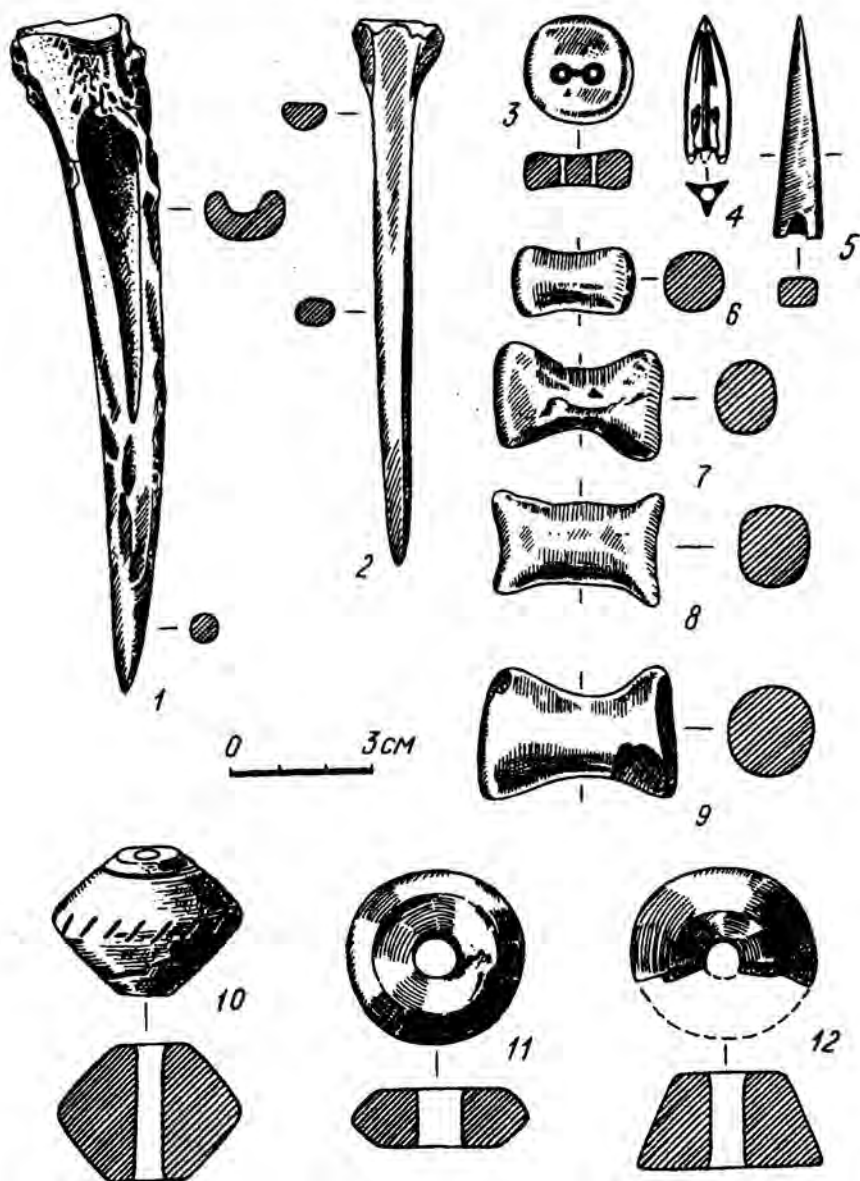

Рис. 27. Вещевой инвентарь (1,2,5 - кость, 3,6-12 - глина, 4 - бронза).

И еще один вопрос, которого необходимо, хотя бы кратко, коснуться, это — формирование раннескифского керамического комплекса из Немирова. А.А.Спицын был прав, указывая 85 лет тому назад на гальштатский облик немировской лощеной посуды (12, с.161). Сравнительный анализ посуды столовой категории обоих горизонтов Немировского городища свидетельствует только о неко-

8. Материалы по Археологии..., в. VI.

тором продолжении позднечернолесских традиций в керамическом производстве скифского населения. Отмеченные выше особенности в технологии, нововведения, проявляющиеся в расширении видового и типового ассортимента и в изменениях формы сосуда в рамках одного вида, не позволяют связывать наблюдаемые перемены с одной только эволюцией от позднего Чернолесья к культуре скифского времени. Совершенно очевидно, что в начале скифского периода в культуре лесостепной зоны Северного Понта имели место заимствования новой более совершенной технологии производства тонкостенной посуды, новых типов сосудов (например, низкие черпаки с резким изломом на тулове, миски с широким отогнутым краем и стройные корчаги с цилиндрическим и коническим высоким горлом), а также приемов и композиций каннелированного узора.

В свете современных знаний о культурах гальштатского мира Средней Европы становится очевидным, что прототипы лощеной посуде, начиная с технологии и кончая формами, следует искать в культурах классического гальштатского времени, точнее — периода НаС, в первую очередь. Что касается совершенной технологии изготовления, приемов и мотивов каннелированного декора, то поразительное сходство по этим признакам наблюдается при сравнении немировской лощеной керамики с гальштатской посудой периода конца НаВ — НаС из могильников Восточной Австрии и примыкающих к ней западных областей Венгрии и Славонии. Высокое качество лощения с применением графита, придающего металлический блеск поверхности сосуда, свойственно гальштатской чернолощеной посуде этого региона (42, S.572-621, Abb.407,4; 419; 428; 429,1,6; 430,1,4).

Каннелированный декор на этих сосудах приемами исполнения и отдельными мотивами также похож на немировский. Это, как правило, широкие каннелюры, образующие концентрические полукружья, круги и волюты, а также параллельные горизонтальные ряды. Но посуда из гальштатских могильников и высоких поселений, богато украшенная не только каннелюрами, но и графитным, крашенным и резным геометрическим узором, дает другие формы, нежели представленные в Немирове (43, Taf.XIX,13; XXIV,2,4-6; 44, S.283-289, Abb.3; 5; 6). Здесь бытуют корчагообразные сосуды не с цилиндрическим высоким горлом и умеренно раздутым туловом, как в Немирове, а с конической шейкой, переходящей в сильно раздутые бока. Отсюда силуэты и пропорции сравниваемого типа сосудов разные (45, S.187-195, Taf.1; 46, S.209, Abb.1,2; 2,2; 3,1,2; 4; 8,1,2). Не находим в сопоставляемых керамических комплексах и известных в Немирове низких черпаков с резким изломом на тулове и мисок с широким краем, мягко отогнутым наружу.

Самые близкие аналогии немировским мискам с отогнутым наружу краем известны в группе Фериджеле в Южном Прикарпатье (Румыния), датируемой ныне серединой VII - VI вв. до н.э. Они похожи между собой по всем параметрам: пропорциями, формой и декором в виде горизонтальных широких каннелюр по краю, переходящих на стенки и дно; в виде каннелированных волют, кружков и концентрических полукружий; в виде желобков и косых либо поперечных налепов, сгруппированных по-два и по-три (рис. 4,3; 5,4; 7,7; 10,1; 13,1-6) (47, p.41-44, fig.13,10-16; 18,6-10,12,13; Pl.II,13-18; III,12,13; 48, S.83-85, Abb.5,2,7; 6,A2; 9,A1; 12,B2).

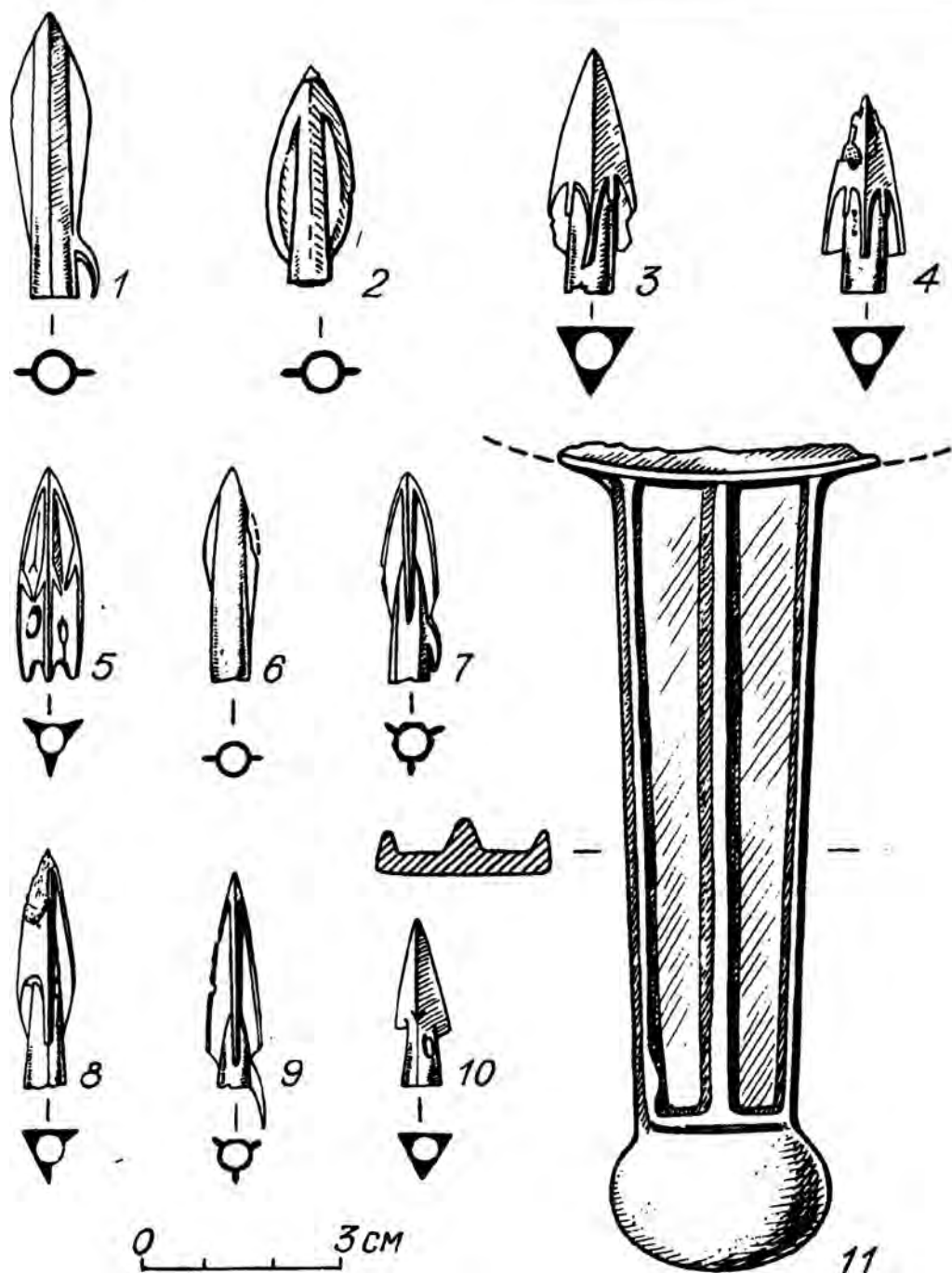

Рис. 28. Наконечники стрел и ручка зеркала (бронза).

В группе Фериджеле обнаруживаем близкие немировским по силуэту и пропорциям корчаги с высокой цилиндрической шейкой (47, р.51,52, fig.16,1-4, Pl.XI,1-15; 48, Abb.5,1,13,18; 6,B7; 7,A7,B1). Однако на корчагах из Фериджеле, в отличие от высоких кувшинообразных сосудов оттуда же, отсутствует каннелированный декор, а выступы на переходе шейки в тулово обычно сочетаются с массивными выступами на основании тулова. Второй нижний ряд упоров такого вида только в редких случаях зафиксирован на корчагах Побужья и Поднестровья (19, рис.7,3; 49, рис.6; 50, с.126, рис.17,1). Корчаги из группы Фериджеле с некоторой долей условности допустимо считать прототипами для лощеной скифской посуды соответствующего вида. Что касается низких черпаков немировского типа, то их не оказалось в составе керамического набора в Фериджеле.

Поиски близкой технологии и прототипов немировской лощеной посуде будут продолжены. Хотя, насколько нам известно, изученность культур и групп памятников позднего каннелированного гальштата Средней Европы достаточно полная, чтобы надеяться на открытие еще одной группы памятников со всеми искомыми формами немировского набора. Исходя из всего сказанного складывается представление, что в керамическом наборе VII - VI вв. до н.э. Немировского городища и Лесостепи в целом сочетаются влияния со стороны не одной, а нескольких культурных общностей гальштатского круга.

Полная обработка полевого архива и материалов Немировского городища еще не завершена. Поэтому нами не рассматривался ряд вопросов, касающихся особенностей исследованных на городище объектов скифского времени, в том числе и вопрос о структуре насыпи зольника, поднимавшийся М.И.Артамоновым (16, с.62-63).

В заключение считаем необходимым остановиться на погребениях, открытых С.С.Гамченко на Немировском городище (13, с.279-282,301-303, табл.181; 228), поскольку они вызывали и вызывают особый интерес у специалистов-скифологов. М.И.Артамонов дает описание трех погребений, открытых в 1909 г., и, ссылаясь на явную близость погребальных сооружений из камня (ящики и помосты) к западноподольским скифским, относит их к скифскому времени (16, с.66, рис.5; 6).

Проведенное изучение полевой отчетной документации не дает нам оснований для выводов о принадлежности этих погребений к скифской культуре. Две идентичные между собой могилы №№ 1 и 2 в виде каменных ящиков с остатками следов сгнивших скелетов, одна из которых сохранилась только наполовину, открыты в обрыве юго-западного края "Замчиска" (13, с.279-282, табл.181; 16, рис.5). С.С.Гамченко перечисляет сосуды, находившиеся в разбитом виде по сторонам от скелета в могиле № 1. Это узкогорлый кувшин с ручкой, ваза, миска, горшок, которые он принимал за гальштатские (13, с.281). Но в скифской коллекции из раскопок С.С.Гамченко на городище числится 12 фрагментов разных сероглиняных сосудов с указанием "из погребения № 1", а частично без каких-либо отметок их конкретного местонахождения (Коллекция 1993, 1-12). Эти черепки принадлежат сделанным на круге сосудам черняховского типа. "Блестящие черные горшок с ушками и миска", вынутые крестьянами из обреза на месте погребения № 2, унесенные им домой, а затем затерявшиеся, никто из специалистов не видел (13, с.282).

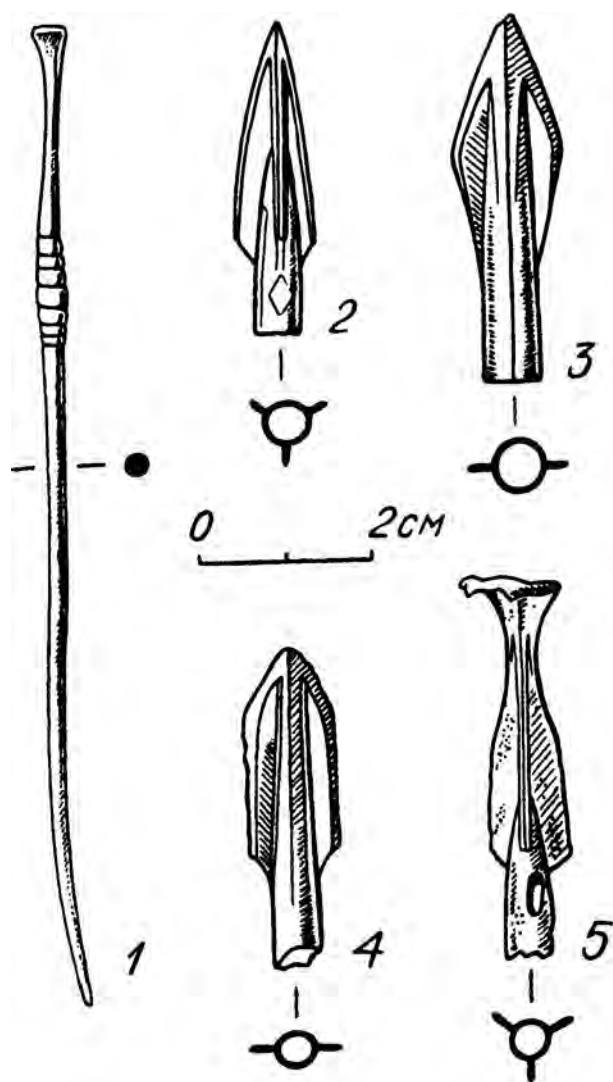

Рис. 29. Булавка и наконечники стрел из сборов С.С.Гамченко (бронза).

Погребение № 3 открыто в противоположном конце дегтинца, т.е. в его северо-восточной части. Сильно скорченный скелет со следами охры находился в яме между двумя помостами из камня (13, с.301-303, табл.228; 16, рис.6). Вещей возле костяка не оказалось, но были черепа и нижние челюсти преимущественно домашних животных. Это погребение отличается от двух первых — вытянутых — как положением покойного, так и типом погребального сооружения. В засыпи могилы, под верхним помостом, кроме трипольских и гальштатских (скифских) черепков, найдены фрагмент греческой ойнохой, поступившей на хранение в Эрмитаж (3, с.90, рис.2,8), а также обломки стеклянного флакона и чашечки с золотистым орнаментом (13, с.302, табл.224,1,2), которых нет в наличии. По невыразительному рисунку трудно судить о стеклянном флаконе, но материал, из которого он сделан, говорит за более поздний возраст погребения, чем скифский.

Данные разъяснения по поводу погребений, исследованных С.С.Гамченко, явно разочаруют скифологов. Удивительно, что за все годы, прошедшие после последних раскопок на "Замчиско", несмотря на имевшие место поиски, каких-либо сведений о кладбище обитателей этого городища не поступало.

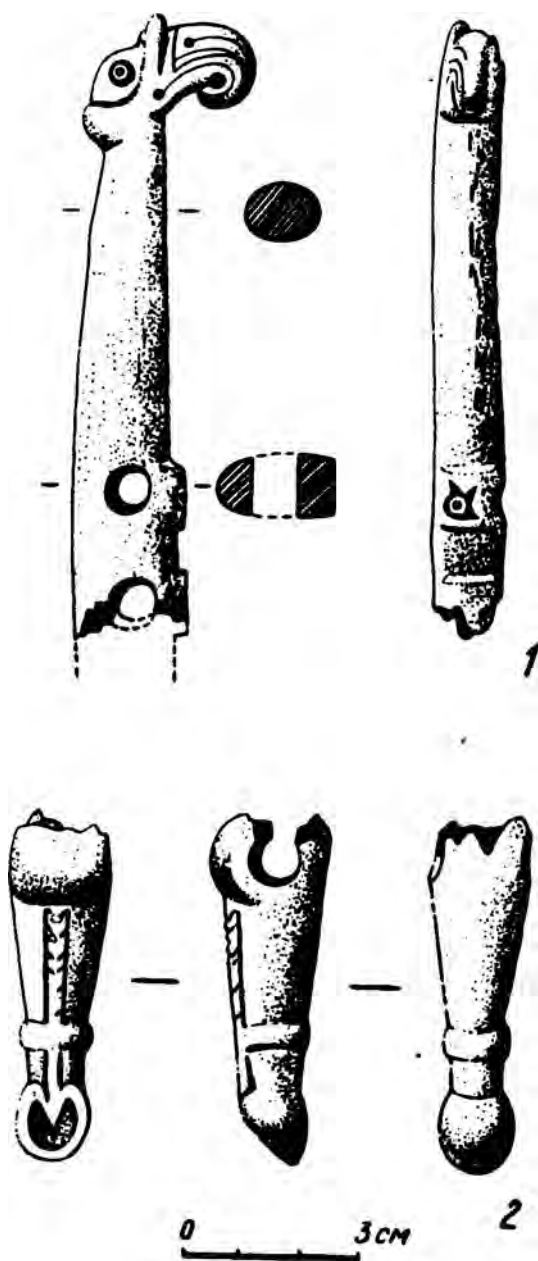

Рис. 30. Костяные псалми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова Г.И. Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
2. Смирнова Г.И. Немировское городище — общая характеристика памятника VIII - VI вв. до н.э. // Археологія. 1996. №4.
3. Вахтина М.Ю. Греческая расписная керамика из раскопок Немировского городища // Археологія. 1996. №4.
4. Моруженко А.А. Новые данные о Немировском городище // АО 1966 года. М., 1966.
5. Моруженко А.А. Оборонні споруди Немирівського городища // Археологія. 1975. №15.
6. ОАК, 1909-1910 гг. СПб., 1913.
7. Артамонов М.И. Южно-подольская археологическая экспедиция // Вестник ЛГУ. 1946. №4-5.
8. Артамонов М.И. Південноподільська експедиція (Попередні повідомлення) // АП УРСР. Київ, 1946. Вип.1.
9. Артамонов М.И. Югоподольская экспедиция // КСИИМК. 1947. №21.
10. Артамонов М.И. Археологические исследования в Подолии // Вестник ЛГУ. 1947. №12.
11. Артамонов М.И. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 г. // Вестник ЛГУ. 1948. №11.
12. Спицын А.А. Скифы и Гальштатт // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А.Бобринскому. СПб., 1911.
13. Гамченко С.С. Археологические исследования в 1909 г. по трипольской культуре // Библиотека ИИМК, шифр 2703; Папки с иллюстрациями // Архив ИИМК РАН. Фонд 1. Дело № 85 а-е. 1909.
14. Спицын А.А. "Корочки" // Архив ИИМК РАН. Фонд 5. Дело №308. 1910.
15. Артамонов М.И. Полевой отчет Юго-Подольской экспедиции 1946 г. "Археологические памятники Южной Подолии" // Научный архив ИА НАНУ. № 1946/12.
16. Артамонов М.И. Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909-1910 гг. // В данном сборнике.
17. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э.). Л., 1974.
18. Вахтина М.Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // В данном сборнике.
19. Смирнова Г.И. Севериновское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947-1948, 1953 гг.) // АСГЭ. 1961. Вып.2.
20. Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. 1953. №51.
21. Смирнова Г.И. Новые данные о поселении у с. Долиняны (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // АСГЭ. 1981. Вып.22.
22. Смирнова Г.И. Скифское поселение у с. Долиняны (раскоп у "тока") // Древние памятники культуры на территории СССР. Л., 1986.
23. Копаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.
24. Смирнова Г.И. Археологические культуры лесостепной Украины и Молдавии в VII - V вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
25. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

26. Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
27. Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. Киев, 1975.
28. Смирнова Г.И. Материальная культура Григоровского городища (К вопросу формирования чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. 1983. Вып.23.
29. Смирнова Г.И. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре // АСГЭ. 1985. №25.
30. Крушельницька Л.І. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи. Київ, 1985.
31. Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев, 1981.
32. Sulimirski T. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwow, 1936.
33. Смирнова Г.И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып.10.
34. Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у с.Долиняны // АСГЭ. 1977. Вып.18.
35. Смирнова Г.И. Курганы у с.Перебыковцы – новый курганный могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Труды ГЭ. 1977. Вып.20.
36. Ганіна О.Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археологія. 1965. Вип.ХІХ.
37. Ганіна О.Д. Поселення ранньоскіфської доби поблизу с.Залісся // Археологія. 1984. Вип.47.
38. Тереножкин А.И. Курган біля с.Глеваха // Археологія. 1954. Вип.ІХ.
39. Петровська Е.О. Курган VI ст.до н.е. біля с.Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. Вип.ХХІ.
40. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в.до н.э. у с.Матусов // Скифы и Кавказ. Киев, 1980.
41. Петренко В.Г. Украшения Скифии VII - III вв.до н.э. // САИ. 1978. Вып.Д 4-5.
42. Pittioni R. Urgeschichte des osterreichischen Raum. Wien, 1954.
43. Hoernes M. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1898.
44. Metzner-Nebelsick K. Die Urnenfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien –eine Region im Spannungsfeld zwischen Osthallstattkreis, karpatenlandisch-balkanischer Eisenzeit und Steppenkultur // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.
45. Klemm S. Zum Verhältnis Hohensiedlung-Gräberfeld im Spiegel der hallstattzeitlichen Funde am Alpenostrand, dargestellt am Beispiel des Malleiten bei Bad Fischau/NÖ // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.
46. Kramer M. Zum Beginn der Hallstattkultur in der Steiermark // Die Osthallstattkultur. Budapest, 1996.
47. Vulpe A. Necropola Hallstattiana de la Ferigile. Bucuresti, 1967.
48. Vulpe A. Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia. Bucuresti, 1977. XXI.
49. Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. №18.
50. Винокур І.С., Гуцал А.Ф., Пеняк С.І., Тимошук Б.А., Якубовський В.І. Довідник з археології України. Київ, 1984.

G.I.SMIRNOVA
A SCYTHIAN SETTLEMENT IN NEMIROV HILL-FORT: GENERAL
INFORMATION ABOUT THE MONUMENT

Summary

The materials on Nemirov hill-fort in the region of the Southern Bug (the work on them the author has started to work out) are given in this article. One can find the answers to the questions concerning the degree of study of inner fortification during the whole period of excavation in Nemirov (1909-1910, 1946-1948). Round-shaped pit-dwellings and some other objects are described here for the first time.

Much attention is given to the rich collection from Nemirov, impressive and peculiar due to Hallshtat appearance. Ceramic material is classified; a small group of crockery characteristic for late-Chernoles culture is singled out. The author has all the reasons to date pre-Scythian and Scythian settlements in the hill-fort back to the 8th - 6th centuries B.C.

Having studied the information about the three graves in the hill-fort (the graves were found by S.S.Gamchenko), the author disagrees with M.I.Artamonov and doubts about their relating to the Scythian period.